

Ульяна Вольная

Меншиная- Волшебство

18+

Ульяна Вольная
Женщина-Волшебство
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60268172
Женщина-Волшебство / Ульяна Вольная: Общественная
ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; 2020
ISBN 978-5-907254-81-7*

Аннотация

Проституция – это не жизнь, а поле боя, которое травмирует женщин ничуть не меньше, чем война мужчин. Так считает главная героиня книги, которая волею судьбы была вынуждена освоить древнейшую профессию и сквозь призму этой деятельности познать людей с их достоинствами и пороками. Будучи на волосок от побоев, болезней и унижений, девушка пытается разобраться в самой себе и окружающих её людях и, несмотря ни на что, остаётся человеком. Пробираясь через грязь, она ищет дорогу к прекрасному, светлому и живому – и находит её.

Содержание

Прелюдия	6
Часть 1	8
Они	8
Новые знакомства	11
Изнасилование	15
Путь из варяг в греки	20
Танюха	25
Необыкновенное чудо	27
Места для ночлега	32
Кухонные дела	35
Спринт	38
Не шмогла	39
Танцуй для себя! Только для себя, танцуй!	41
Душевные метания	45
Остапа понесло на пельмени и бухло	47
Зачем нужна девственность	50
Остапа понесло проверить себя на слабо	51
Истерики по пьяни	55
Издержки изнасилования	57
Кто-то крикнул: «Шлюха!»	63
Закрыли	66
Побили	68
Уволили	75

Назад дороги нет	81
Прорвало	83
Любопытство не порок	88
Нелюбовная любовь	93
Порядочность	98
Порядочность в арифметической прогрессии	100
Деньги всегда вперёд	102
Мальчишник, но не в Вегасе	104
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ульяна Вольная

Женщина-Волшебство

Библиотека классической и современной прозы

© Ульяна Вольная, 2020

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков. 2020

Прелюдия

– Много неадекватов? – спросил он.

Этот вопрос был для меня не в новинку, нередко мужчины задавали мне его, видимо, в надежде услышать какую-нибудь драматическую историю. Мнимая вежливость, скука, любопытство или любопытство от скуки? Каждый выбирал своё.

– Нет, с неадеквататами я уже давно не встречаюсь, – отвечала я уже заученной фразой.

– Если пьяный? Если сразу не видно, что он – неадекват? Как можно понять, чего ожидать от человека, которого видишь впервые?

Подобные вопросы валились на меня из уст мужского населения. Далее следовал мой короткий монолог, который понимали далеко не все. Речь шла о том, по каким критериям женщина выбирает мужчину, та самая женщина, которая встречается с мужчинами на определённых финансовых условиях. Почему бытует такое мнение, что мужчины, которые готовы оплатить женское время, внимание и тело, легко и безоговорочно получают доступ к ней? Почему существует вросшее корнями в сознание людей восприятие действительности, в котором женщина – рабыня денег, власти или мужчины? Рабство порождает насилие, но там, где нет места насилию, выбор делает женщина.

Как сложно сохранить себя, когда мир предлагает купить

или продать своё тело, коверкая душу. Поломанное женское сознание, потерявшее ориентиры, опирается на страдание.

Но жизнь – это не страдание, жизнь – это возможность.

Часть 1

Навстречу мечте

Они

Никто не узнал о моём внезапно случившемся знакомстве.

Мы повстречались, когда мне едва исполнилось шесть лет. Это произошло неожиданно.

Был поздний вечер. Вся наша семья, на тот момент в полном составе, смотрела телевизор. Я сидела неподалёку, на полу, и тихонько читала вслух по слогам детскую книжку, как вдруг моё внимание привлекла картинка, транслируемая советским девайсом. На экране показывали поцелуй мужчины и женщины. В первый раз я почувствовала, как что-то ниже живота дало о себе знать. Я не помню, чтобы подобное случилось со мной раньше. Это напоминало дикий поток кипящей лавы. Происходящее, обжигающие изнутри, воспламенило всё моё тело. Я оказалась в незнакомом мне доселе пространстве. Во мне было пекло, а извне, неизвестно откуда берущая свои истоки, стремительно неслась вниз горная река, леденящая, бурная, всё поглощающая на своём пути, и весь её поток обрушится на одну маленькую девочку, без-

ропотно стоящую у подножия горы в ожидании искупления, когда её накроет с головой, поглотит в пучине и унесёт куда-то далеко-далеко, где не смогут найти ни её тело, ни её душу. Закружилась голова, в глазах потемнело, вместе с похотью во всё моё существо дрожью ворвалось едкое, горькое чувство стыда – стыда перед самой собой, родителями и всем миром за те ощущения, которые я испытала.

Родители ничего не заметили.

Я быстро побежала в туалет. Закрыв дверь на щеколду, опустив стульчак и сев на крышку унитаза, я прикоснулась к себе. Меня бросало то в жар, то в холод; казалось, что я вот-вот потеряю сознание, а когда приду в себя, то никогда больше не смогу заговорить. Как будто это была плата зато, что я узнала какую-то неведомую тайну; и, чтобы я никому не рассказала о ней, кто-то или что-то навсегда лишит меня дара речи. Я начала задыхаться и, пытаясь сделать глубокий вдох из последних сил, подобно умирающему, жадно заглатывая воздух, тихонько пискнула, и в эту же секунду по моим детским щекам потекли немые тяжёлые слёзы. Что-то безвозвратно изменилось.

Я промолчала о случившемся перед семьёй. Мне казалось, что от своих родителей ничего, кроме осуждения, туманов или грубого смеха, я бы не получила.

С того самого дня началась моя необъявленная затяжная война с собственным стыдом, стыдом перед своим телом, а моё либидо, выраженное похотью, не давало мне покоя дол-

гие годы.

Новые знакомства

Вторым по значимости событием за тот год стало знакомство с ревностью.

Открыв дверь без стука и войдя в мою жизнь, ревность действовала как разъедающая кислота, переливаясь густой красно-зелёной вязкой массой по сосудам моего тела, отравляя удушливыми токсичными парами, шепча разуму, что её ненависть – это благое зло.

В детском саду, куда я ходила, был мальчик. Он был не один у нас в группе, детей обоих полов было поровну, но Севу я выделила среди всех и перестала замечать других детей.

Наши кровати в часы для сна находились рядом, и меня это очень радовало. Мы не занимались щипанием и троганием друг друга за части тела, мы не болтали и не хулиганили.

Он всегда спал в сончас, а я – никогда. Меня удивляла его способность суметь уснуть посередине дня, когда можно без усталости бодрствовать и скакать, но я ему не мешала. Он спал, а я смотрела, как он спит. Смотрела, как он спит. Целый час я бесшумно лежала и смотрела на него, спящего.

Иногда мы вместе играли в «Аладдина и Жасмин» из диснеевского мультика. Мы стелили на пол тряпку, наш ковёр-самолёт, вместе садились на неё и начинали лететь. Сюжет часто повторялся: я начинала падать с ковра, а он каждый раз меня спасал.

Сева жил в одном подъезде со мной, только на этаж ниже. Наши балконы выходили на одну сторону дома, и вне детского садика мы могли вести балконные беседы, общаясь друг с другом ещё и таким способом. И нас нисколько не смущал тот факт, что все проходящие мимо слышали наши беседы.

Когда наступило лето, мы начали вместе гулять во дворе. Несмотря на наш небольшой возраст, родители не боялись отпускать нас одних с соблюдением двух неписанных правил: «со двора ни ногой» и «конфеты у незнакомых не брать».

Наш подъезд был густо населён детьми. Сева был знаком со всеми, а я не знала никого, но именно он привёл меня в сложившуюся дружную команду и представил всем.

Стоял тёплый летний вечер. Мы всей толпой малявок бегали по двору и играли в «ляпы». Весело, лето, детство. И вдруг в это детство вторглись без предупреждения абсолютно не детские чувства. В тот вечер я рассказала одной из девочек, что люблю Севу. Я не знаю, что заставило меня рассказать об этом именно ей, но мне очень хотелось с кем-то поделиться моей радостью, а родителям об этом я рассказать стеснялась.

– Ха-ха-ха, – рассмеялась она мне в лицо так гадко, что напоминала демона в обличье ребёнка. – Он любит Свету!

Мою сестру. Зачем ты ему?! Посмотри, весь двор об этом знает! Он ей уже признавался в любви!

Как только я это услышала, я как в бездну провалилась.

Всё резко поблекло, потеряло краски, стало чёрно-белым в моих глазах и лишилось смысла. Я не заплакала, не впала в ступор, мне просто хотелось не быть.

«А почему я не спросила напрямую у Севы о его чувствах к Свете? Почему сама ему в чувствах не призналась?» – задумалась об этом я много лет спустя, повзрослев и став более прямолинейной.

Я не решилась на поступок, который бы опроверг или подтвердил полуубийственные для меня слова. После этой ужасной информации детское безудержное желание гулять было заляпано огромными чёрными кляксами, и белый детский день, неумолимо стремящийся к концу багряным закатом, казался спуском в преисподнюю. Первый раз в жизни я захотела убить человека. С трудом пересилив и обуздав свою злость, я убежала домой, не попрощавшись ни с кем из ребят.

Находясь в забытии, но не выдав своего состояния взрослым, я быстро покушала, сходила в душ, почистила зубы и легла в кровать, надеясь, что получится заснуть и всё закончится. Только спать не хотелось. Ревность сдавливала мне горло, колотила меня палками, грызла, как полевая мышь грызёт зёрнышки, и этими зёрнышками были кусочки моей души, рассыпанной и брошенной на бескрайних полях, где вольно гуляют безжалостные холодные ветры. Меня морозило. В попытках закрыть глаза ко мне подступало непреодолимое желание завить со всей мочи, так, чтобы мир рухнул

и никогда больше не существовал. Но ревность была моей тайной, никто об этом не знал, и я лежала молча, не закрывая мокрые и опухшие от слёз глаза, продолжая бесшумно плакать под одеялом. Я хотела не родиться, не видеть этого мира и не чувствовать эту боль, медленно убивающую меня, – боль, с которой я не могу справиться, которая возникла ниоткуда, и неизвестно, когда она закончится.

Маленьким ребёнком я решила перестать быть заложником своих чувств, чтобы поступки других людей и их прихоти не отзывались во мне дикой болью, сопоставимой с желанием умереть. Я хотела стать свободной. Тогда я не знала, что свобода подразумевает не отсутствие сердца, а наличие разума, не роботизированность души, а культуру отношений. Я была уверена, что научусь контролировать свои эмоции и чувства, выдрессирую их, не буду влюбляться, действуя с холодным прагматичным расчётом.

Вместе с похотью, стыдом и ревностью в тот год я познакомилась со своим собственным рабством.

Изнасилование

Много воды утекло, много что произошло. Но есть события в жизни, которые впечатываются в память навсегда, которые судьбоносно и бесповоротно влияют на дальнейшую судьбу, которые оставляют след. А изгладим этот след будет или нет, решает каждый сам для себя.

Когда я пошла в начальную школу, отношения с одноклассниками у меня не складывались. Я ни с кем не дружила, но и не конфликтовала, держась обособленно и независимо.

Когда я перешла в старшую школу, вектор взаимоотношений с одноклассниками перешёл в пассивное бездействие и смирение с сложившимися обстоятельствами. В меня плевали, меня били, мне не давали прохода, дабы не упустить возможность лишний раз напомнить, что я – низшая раса, существо, которое заслуживает насилия и унижения без шанса на жалость и сочувствие. Я не хотела бить в ответ, я не могла позволить себе превратиться в тех монстров, которые меня окружали.

Я одевалась не так, как они, я вела себя не так, как они, я мыслила не так, как они, за это они меня уничтожали. Обезумевшей толпе свойственно ненавидеть то, чего они не понимают. Ещё со школьной скамьи я близко и болезненно познакомилась с ксенофобией.

Со мной не здоровались, не разговаривали и уж тем бо-

лее не дружили. Если мне удавалось перекинуться хоть одной фразой за целую учебную неделю с кем-нибудь из моего класса, это была для меня большая радость. Так продолжалось до окончания школы: долгие годы изоляции и насилия при видимой картинке условной нормальности.

Учителя делали вид, что ничего не происходит. Классный руководитель для галочки грозил пальчиком моим обидчикам, при этом ясно давая мне понять, что отчислять за насильственные действия в мой адрес из школы никого не будут. Муж классного руководителя был бандитом; она тоже была на тёмной стороне и всячески выгораживала, оправдывала зло.

Меня толкали, пинали, выкидывали мой портфель и учебные принадлежности из окон на улицу. А те, кто не применял ко мне физического воздействия, смеялись над всем происходящим: для них это было шоу, они гоготали во всё горло в качестве аплодисментов за предоставленную им возможность полюбоваться издевательствами над живым человеком. И мне казалось, что ничто и никто не в силах избавить меня от этого кошмара наяву, нужно просто молчать и терпеть. В какой-то момент в моей голове возникла мысль о самоубийстве. Я долго рассуждала сама с собой о том, как это сделать менее болезненно для своего тела. Думала, думала, а потом меня вдруг осенило.

– Если меня не станет, то никто особо и не заметит моего отсутствия, найдут другую грушу для битья. А если я до-

бьюсь того, чего не смогут они, выйдя из-за школьной скамьи? Что, если я стану круче их? Что, если мне все их изверства только на пользу?

Вызов, брошенный самой себе, желание поиска кратчайшего пути в жизни, чтобы утереть всем нос, спортивный интерес к будущему – всё это было со мной все те жуткие, безнравственные, полные страдания годы. В моей голове созрел план. Я во что бы то ни стало докажу этому миру, что имею право на существование! Я буду жить назло всем и всему! Я буду жить! Я буду! Я буду! Я буду!

Самым запоминающимся, острым и исковеркивающим мою действительность стало событие, которое произошло со мной в стенах школы, когда мне было одиннадцать лет.

Шестой класс, октябрь. За окном осень, в кабинете недружелюбные одноклассники, идёт урок. Я захотела в туалет, но, всегда стесняясь отпрашиваться на уроке, терпела, даже когда было очень тяжело. Заявлять об этом во всеуслышание мне казалось чем-то постыдным и некрасивым.

Звонок с урока. Я вскочила из-за парты так, что чуть не снесла её, больно ударившись бедром об угол стола, и ринулась в туалет. Закрытых кабинок у нас не было, и получилось, что выставляешься напротив входной двери на всеобщее обозрение, если у тебя нет двух запасных рук. Когда одноклассники специально открыли дверь и я оказалась на виду у мальчиков и девочек, то стояла со снятыми штанами и трусами, смотрела на них, опешивши, в оцепенении не

двигаясь с места и не пытаясь одеться или как-нибудь прикрыться, а они ржали, собравшись всей гурьбой посмотреть на то, «какое нынче представление дают в стенах школьного туалета».

Их дикий и безжалостный смех звенел у меня в ушах, оглушая и парализуя, из разинутых ртов сочились жестокость, ублюдочность, варварство по отношению к человеческой душе и телу, глаза, куда бы они ни взглянули, источали яд, проникающий в пространство школьного коридора, пропитывающий стены вседозволенностью и насилием.

Один из оравы не постеснялся зайти в женский туалет, не обращая внимание на только что вошедших старшеклассниц, которые поняли происходящее и также поддались всеобщему одурению, смеясь и тыкая в меня пальцем, и со всего размаху дал мне пощёчину. От удара я начала падать назад и, стукнувшись головой о кафельный пол, потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, никого рядом не было. Уже давно прозвенел звонок на урок. Кровь под носом высохла. Я судорожно умылась и через силу, еле сдерживая слёзы, пошла на встречу со своими учителями.

Зайдя в класс и извинившись за опоздание, я выслушала гневную тираду от педагога, которая и без моих опозданий относилась ко мне высокомерно-снисходительно.

– Все сидят на месте, никто не опоздал. Почему ты считаешь, что можешь разгуливать во время урока? Я не могла выдать из себя ни слова. Говорить преподавателю или

классному руководителю об очередной насильственной ситуации было бесполезно, а мне после моих заявлений становилось только хуже, травля усиливалась и достигала апогея. Душегубы знали о моей беспомощности перед ними.

Даже те, кто не присутствовал на «аттракционе», были уже в курсе произошедшего. По классу пустили записку, где была нарисована я и мои гениталии.

В тот день я впервые в жизни испытала насилие над женщиной. У меня было ощущение, как будто мне между ног залезли тысячи грязных рук и от их грязи я не смогу отмыться никогда.

Странно, но у меня ни разу не возникла идея вызвать в школу милицию, хотя это была бы хорошая идея.

Путь из варяг в греки

Отца не стало ровно в тот момент, когда родители развелись. Я была совсем маленькой и не запомнила его. Он не платил алименты и снял с себя всю ответственность за воспитание ребёнка после развода. Мой отец оказался малодушным и никчёмным. Я ненавидела и презирала его, боясь, что дефектные гены могут передаваться мне, но в то же время жила надеждой, что он изменится и вернётся к нам, став для меня хорошим примером мужчины. Чуда так и не произошло.

Отношения с матерью были не лучше. Моя мать не была алкоголичкой, не водила в дом мужиков, но регулярно била меня, сбрасывая пар, прятала еду, выставяла меня зимой из квартиры в подъезд в одной пижаме и всевозможно ухищрялась настолько, насколько искажённо может воспринимать женское изуродованное сознание окружающий мир. Я никогда не была её в ответ, жалея и опасаясь, что этим могу сделать ей ещё больше, чем её изувеченная ею же психика. Так же, как я надеялась на отца, я надеялась и на мать. Я верила, что она когда-нибудь сможет полюбить меня.

Изначально она не хотела быть связанной узами брака и рожать, когда случайно забеременела. Она была свободной женщиной, стремящейся жить по-своему красиво, поступать в соответствии со своими желаниями и своей волей.

Слепые убеждения в том, что она – хозяйка своей жизни, сыграли с ней злую шутку при замужестве и рождении ребёнка, одновременно спровоцировав в ней чувство собственности и протест.

Её скорый развод с отцом после его измены был достойным женским поступком. Она не стала манипулировать мужчиной, пытаться выиграть на его неверности, не пресмыкалась, не старалась сохранить то жалкое подобие семьи, что остаётся после предательства. Она ушла.

В двухкомнатной квартире, оставшейся после смерти бабушки с дедушкой, её жизненная программа, с официальной стабильной работой, начала сбоить. Когда-то став рабой косной установки, она делала из меня часть своей собственности, при этом ожесточаясь и воспринимая меня как помеху и угрозу своей свободе. Желание оставаться свободной во что бы то ни стало перешло границу и переросло в своеволие и беспредел. Игнорирование сменилось презрением, а затем и жестокостью. Её рукоприкладство было желанием не замечать меня, но резавшее глаз наличие постороннего существа в квартире раздражало и заставляло бить меня без причины снова и снова.

Незапланированное материнство не зажгло чувство благодарности и радости. Её претензии к жизни при общем благополучии взращивали обвинения и чувство несправедливости.

Её решение родить ребёнка не определялось страхом

невозможности в дальнейшем не иметь детей. Если бы это был страх, она бы не стала менять свою жизнь столь кардинальным образом. Страх парализует и не даёт двигаться дальше. Окружающие не давили на неё. У неё было право выбора. Она руководствовалась желанием остаться в будущем женщиной с репродуктивной функцией. Я была иного мнения. Мне казалось, что лучше бы она сделала аборт, а я не появилась бы на свет.

Моё несогласие с принятым ею решением заключалось в том, что я не считала, что физическая неспособность женщины рожать детей делает её неполноценной и ставит преграды на пути. Женщина, которая действительно готова к материнству, не делит детей на своих и чужих, для неё все дети – это дети. Она не будет убиваться по поводу неспособности к зачатию в попытках всеми правдами и неправдами забеременеть, проклиная судьбу и рыдая от очередного выкидыша. Женщина-мать станет матерью для того ребёнка, у которого матери нет, а для ребёнка лучше вовсе не появиться на свет, чем родиться у той женщины, что не способна сделать окружающий мир счастливым. Быть матерью – это призвание, а не функция. Лучше совсем не родить, чем родить не вовремя. Что может дать незрелая женщина ребёнку? Ничего ясного.

Чем больше она была, тем больше входила во вкус. Она уже не могла остановиться.

– Кому нужна женщина с ребёнком? Своим появлением

ты поломала мне всю жизнь! Обратно-то не затолкаешь!

Вся наша немногочисленная семья состояла из двух человек, один из которых был не нужен из-за невменяемости другого.

Впервые я задумалась о проституции всерьёз в четырнадцать лет, когда мать уже не в первый раз попрекнула меня куском хлеба, подсказав, как мне этот кусок хлеба добыть.

– Иди зарабатывать деньги! Сидишь на моей шее до сих пор! Живёшь за мой счёт!

– Где же я заработаю? Я ещё школьница! Мне сначала нужно школу закончить.

– Где, где? Иди работать!

– Кем?

– Да хоть проституткой! Помоги матери деньгами! Давно уже пора тебе меня содержать, а не мне тебя!

Крики о древнейшей профессии всё чаще звучали в мой адрес. Внутри моей картины жизни появилась дверь, которой раньше не было. С тех самых пор я начала рассматривать проституцию как один из возможных вариантов.

Пока я училась в школе, на работу меня никто не брал. На момент окончания средней школы я была несовершеннолетней, но судорожно начала искать место работы.

За стенами дома массовая безработица. Внутри дома – нет.

Несмотря ни на что, я не падала духом. Потенциальные работодатели давали ложную надежду на заработок. На офи-

циальную работу меня не устраивали, зато устраивали мне постоянные неоплачиваемые испытательные сроки, которым конца и края не было видно.

Взвесив все за и против, я поняла, что в моём случае мне именно туда и дорога. Туда, куда так долго и упорно указывала мать. Пусть лучше меня бьют незнакомые мне люди, чем собственная мать. И пусть придётся залезть в самое жерло вулкана, но вероятность заработать хоть что-то там более велика – мне хотелось в это верить. Отсутствие инстинкта самосохранения, выработанное благодаря годам материнских избиений, вместе с несокрушимой надеждой в лучшее и конопатым детским любопытством, вносившим щепотку юмора в нелегко принятое решение, собрались со мной в дорогу.

Время бандитов, кровопролития, алчности и грязи сделало своё дело. Было интересно погрузиться в это кишашщее болото целиком. Мать, мода, желание выжить во что бы то ни стало диктовали путь к действиям. Быть рядом с убийцами, рецидивистами, рэкетирами и уголовниками. Быть в эпицентре диких нравов, под властью которых человек человеку волк, а дальше будь что будет.

Танюха

Мы познакомились с ней, стоя в очереди при подаче документов на поступление в колледж, в который я так и не попала, потому что не набрала нужного количества баллов для обучения на бюджетной основе. Платно учиться возможности не было, и я, проглотив от отчаяния ком в горле, забыла о дальнейшем образовании.

Мне не с кем было поделиться своим замыслом, и я рассказала ей о задуманном на свой страх и риск. Она заинтересовалась этим и попросила связаться с ней, если я всерьёз решусь.

Мы обменялись номерами телефонов.

Танюха была фигуристая, слегка полноватая девушка с крашеными длинными темно-каштановыми волосами и лёгкими веснушками на лице. У неё был приятный спокойный голос и мягкие, неторопливые движения. Казалось, что она находилась в каком-то другом, более медленном, чем существующее, времени, и никуда не спешила. Выражение её глаз не говорило ни об уверенности, ни об апатии, ни о счастье, ни о печали. Я не смогла их понять и не ставила перед собой такой цели. Собственно, я не могла понять и саму Танюху, и её принципы, которыми она руководствуется, чтобы залезть туда, где опасно и грязно. У неё была полная семья, её не били, голодание, судя по комплекции, явно было ей чуждо.

Она была хорошо одета, хорошо выглядела, и в её жизни не проскальзывал момент безысходности.

К своим семнадцати годам она уже успела сделать аборт от соседа по лестничной клетке и говорила об этом словно между делом. Меня удивляло отсутствие у неё мук совести или понятия о бережном отношении к своему здоровью. Она была сторонницей рискованных половых связей без соблюдения правил безопасности. На секунду я представила, что в панельном бизнесе с такими замашками ей придётся прописаться в кабинете у венеролога.

Мне думалось, что она воспринимает то, о чём я ей поведала, как киношную авантюру, не отдавая себе отчёт в том, к чему всё это может привести.

Необыкновенное чудо

Ситуация, которая при рациональном раскладе не могла закончиться хеппи-эндом, напоминала фильм без убийства и насилия.

Голос внутри меня, как призывной гонг, требовал действовать без оглядки и промедления, невзирая на страх и здравый смысл. Что-то, что я не могла объяснить, как ни старалась, толкало меня и обещало, что это единственно верный путь.

Решила – сделала.

Я купила газету на те деньги, что остались от маминых подарков, которые она делала для очистки своей совести и которые я бережно откладывала на дошираки, чтобы не умереть с голоду, нашла нужные объявления и начала поиски. Старенький, потрёпанный, но преданно исполняющий свои обязанности мобильный телефон, доставшийся мне от мамы, стал помощником и невольным свидетелем происходящего. По первым двум объявлениям я не дозвонилась – не взяли трубку, – но на третий раз мне повезло. Мы договорились о встрече.

Я дала адрес торгового центра, находящегося неподалёку от моего дома. К нему подъехал автомобиль, из которого вышли двое. Картина маслом: я, бедная, зачуханная девочка, как загнанный зверь, который метнулся в надежде на спасе-

ние, не разбирая дороги, и они, двое мужчин в чёрных очках на «Мерседесе». Один из них, по имени Эдуард, оказался выше меня на голову и был довольно упитанной, но приятной наружности. Лишний вес не уродовал его, скорее, придавал статусности. Его манера общения, интонация, темп и тембр голоса, мимика и движения располагали к нему и вызвали доверие. Второй, Андрей, был моложе, худощавого телосложения, одного со мной роста, подвижный, холеричный и суетящийся. Его глаза постоянно бегали в пространстве, как будто искали кого-то или что-то.

Мужчины без всякого давления предложили мне проехать с ними на квартиру, где жили девушки. Я, недолго думая, в состоянии «нечего терять» села в машину. Мы ехали молча, беседа ожидала меня по прибытии. Ни одна живая душа, кроме меня и моих спутников, не знала, куда я еду и с кем.

Квартира, где жили девчонки, содержалась в чистоте и была достаточно уютной. В ванной не было ни сантиметра свободного пространства, повсюду было развешано женское бельё. В квартире на тот момент находились трое: две девушки и один мужчина. Они сидели на кухне и пили чай. Мужчина был третьим сутенёром, две девушки – работницами индустрии секса. Владу на вид было чуть меньше сорока лет, он имел атлетичное телосложение, рост выше среднего, выглядел мужественно и притягательно. Девушки выглядели заму-ченными, но не физически, а душевно, в их глазах я прочла

жалостливо-солидарную поддержку, не увидев и тени неприязни или соперничества по отношению ко мне. Они не были писаными красавицами, эффектными кричащими шлюхами или, наоборот, уродинами; они были женщинами, загнанными в тупик. Проституция сделала их безликими.

Эдуард, Андрей и я присоединились к всеобщему чаепитию. Мои руки тряслись от волнения. Едва не уронив кружку, я пролила чай на стол. Пытаясь делать вид, что не напряжена, я нервничала ещё больше. Каждый из присутствующих внёс свою лепту и по очереди сказал, чтобы я не переживала: никто меня не собирается обижать, принуждать и подавлять, и уж тем более никто не намерен отбирать паспорт, коего у меня, к слову сказать, с собой и не было. Я извинилась за расплёсканный чай и, понуриив голову, уткнулась взглядом в кружку. Я не знала, как сказать им, что я – девственница.

– Как? Ты до сих пор девственница? Не может быть! Ты шутишь? – они недоумевали.

– Но у меня есть одна знакомая, которая бы тоже хотела поработать, – добавила я неуверенным, дрожащим голосом. – Она – уже нет.

– Сейчас мы отвезём тебя домой, а завтра, часиков в семь вечера, если ты готова, мы приедем за тобой, а потом заедем за подругой. Будем отдыхать в сауне. Бассейн. Парилка. Купальники брать необязательно, – сказал Эдуард.

На следующий день всё ровно так и произошло, как было оговорено.

Страх не было. Я находилась в состоянии прострации, понимая, что это необходимость, которая уже наступила.

Сидя в сауне впятером за дубовым резным столом, рассчитанным на большую компанию, мы ели, выпивали, курили, болтали о жизни. В это время я выбирала, с кем из них троих я хочу уединиться. Они предоставили мне право выбора, но тогда я не придавала этому никакого значения и лишь много лет спустя сумела оценить этот поступок по достоинству. Я не помню, кто включил музыку, но помню, как в алкогольном дурмане пошла танцевать с Владом. Он аккуратно обнимал меня, касаясь плеч и спины, и не позволял себе никаких вульгарных и пошлых телодвижений или шуток. Он ждал, пока я сама решусь и скажу ему: «Пойдём!» И я сказала.

Когда всё закончилось, голова кружилась и окружающее плыло перед глазами, превратившись в одно большое месиво невнятного пространства, а моё тело казалось куском глины, тяжёлым и неподъёмным.

Он запачкался и скривил лицо, глядя на кровавистые выделения естественного физиологического процесса. Мне стало обидно и больно, но я понимала, что детство закончилось. Моё детство закончилось ещё тогда, когда мать в первый раз жестоко избивала меня, и этот вечер стал тому подтверждением. Я не заплакала, я уже давно научилась этого не делать, потому что для выживания слезы – плохой товарищ. Не стоило делать из плановой дефлорации песню с припевом

– не в этой ситуации, не здесь, не сейчас.

Просто он был сутенёром, просто я стала проституткой. Но при этом мы оба не являлись теми, кем были в данной ситуации.

Места для ночлега

Когда Влад и я вернулись к столу, то оказалось, что Та-нюха сбежала.

– А что случилось? Почему?

– Мы не знаем. Мы пошли погреть кости в парилку, были там от силы минут десять, вернулись, а её и след простыл. Вышли в прихожую, а там нет ни её обуви, ни пальто.

– Но мы планировали вместе уехать... Она сказала, что я могу переночевать у неё сегодня... Мне далеко добираться домой... Может быть, случилось что-то, о чём вы мне не хотите говорить? Она боялась, что вы будете приставать? Насиловать?

– Нет, ничего такого не было. Ты же видишь, что мы никого не принуждаем. Не хочет – не надо. Где она живёт? Давай доедем до неё. – А её мобильный? Ах, да, откуда вам его знать... – Он недоступен. Мы знаем её номер, она дала нам его, как только вы ушли в комнату отдыха.

– Сорвалась куда-то среди ночи, в тьму и холод, – засмеялся Влад. – Ты давно её знаешь?

– Да нет, не очень.

Когда мы приехали на адрес, общая дверь в секцию к её квартире была заперта, а между этажами дремал мужичок, от которого за версту разило перегаром.

– Вы в порядке? Вас не били? Вызвать скорую? С вами

всё хорошо? – похлопывая его по плечу, спрашивала я.

– А? Что? Кто здесь? Я сплю...

– С вами всё в порядке?

– Обычное дело, – заспанными слипшимися губами с трудом мямлил он. – Напился! Жена домой не пускает... Сегодня я ночую здесь. Мне не привыкать... Не волнуйся, доченька, благодарю, – мужичок отвернулся и захрапел.

– Поехали к нам. Не в подъезде же ты будешь ночевать рядом с ним для согрева.

Мы приехали на знакомый адрес. В квартире никого не было.

– В холодильнике – еда, в шкафу – постельное белье. Еду бери, не стесняйся, не голодай. Вот тебе пачка сигарет, если захочешь покурить.

Эдуард, Андрей и Влад поехали каждый к себе домой, оставив мне на всякий случай ключи от квартиры. Я несколько раз пробовала дозвониться до Танюхи, но её абонентский номер до сих пор был недоступен. Я осталась один на один со своими мыслями, чувствами, переживаниями. Мне было не по себе. Одиночество, внезапное исчезновение Танюхи и мой вновь приобретённый статус палитрой красок на сумасшедшей скорости устраивали балаган в моём разуме и моей душе, но едва я прилегла на диван, не раздевшись и не расстелив постели, как мгновенно уснула.

Проснулась я только к вечеру следующего дня, когда на квартиру приехал весь состав.

Первым делом я начала дозваниваться до Танюхи. На том конце провода трубку взяли почти мгновенно. Это была она.

– Куда ты пропала вчера? Что случилось?

– Я решила уйти, – полным гордости голосом ответила она.

– Таня, тебя обидели?

– Нет, я просто ушла. Я вызвала такси и уехала домой. Со мной всё в порядке, – тем же тоном продолжила она.

На этом наш разговор закончился, я повесила трубку. У меня не было оснований ставить под сомнения слова трёх мужчин, несмотря на короткий промежуток времени нашего знакомства. Они меня не обидели и доверяли мне. Её бесшабашная выходка говорила лишь об одном: она, не зная броду, полезла в воду, руководствуясь только ей одной известной мотивацией. Боевая подруга – это не про неё. Больше я никогда с ней не созванивалась и не встречалась.

Кухонные дела

– Сегодня не выходи, восстановись. Завтра поедешь. Успеешь ещё наработаться, – произнёс Эдик, и все, кто сидел на кухне, громко и дико засмеялись.

Конечно, шутка была грязная, но правдивая. Мне было непонятно и одновременно приятно столь трепетное отношение ко мне.

Когда рабочий класс отправился на добычу денег, в квартире остались я и Ирина. Ирина была одной из первых сотрудниц фирмы и одной из самых востребованных тружениц сексуального фронта, а по совместительству – подружкой Эдика. Она приехала из другого города, где её ждали мать и маленький сын, которым она регулярно отвозила заработанные барыши. Маленькая, хрупкая женщина, она напоминала мне хрустальную вазу, которая могла разбиться от первого неловкого движения, но в то же время в ней чувствовалась упорная борьба и стремление к лучшей жизни без страха самоуничтожения.

Мы не стали тратить время даром и нашли полезное для нас обеих занятие. Ирина делилась премудростями и тонкостями деятельности, приводя конкретные примеры из жизни, параллельно обучая меня надевать презервативы на бананы и огурцы. Я старательно выполняла все её рекомендации, после чего съедала объект своих тренировок, жуя

и чавкая с открытым ртом и выпученными глазами, заслушавшись очередной историей из многочисленного багажа её жизни.

Среди ночи неожиданно приехали Влад и Андрей. У них была пара-тройка свободных часов, и, вместо того чтобы сидеть в машине в ожидании конца заказов, они решили посидеть с нами на кухне. Девушки, которых в ту ночь развозили по точкам, были заняты на несколько часов.

За чаем и печеньками, сигаретами и пепельницами ни к чему не ведущий разговор вдруг сменил вектор направления.

– Я думаю уйти отсюда, – внезапно произнёс Влад.

Андрей ничего не сказал, лишь замер с удивлённым выражением лица.

– Мне надоел Эдик со своими мечтательными несбыточными планами о несметном богатстве, которое он здесь найдёт.

Ирина согласно кивнула головой.

– Я знаю, он такой.

– Речь не столько о деньгах, сколько о риске.

Но что-то мне подсказывало, что основная причина кроется в другом. Его слова выглядели неточным оправданием. Между строк читалось нечто иное, нежели только деньги, а именно: уголовная статья за сутенёрство и прочие последствия, вытекающие из проституции. У Эдуарда не было семьи и детей, у Андрея была супруга и годовалый сын, а у

Влада была дочь – ровесница тем, кто ложился под мужиков за деньги. Складывалось ощущение, что Влад влез в эту блуду в первую очередь от скуки, во вторую – из желания заработать, но деньги таким путём ему оказались не нужны. Для Андрея фирма была правом налево, он по взаимному согласию переспал со всеми девушками фирмы; Эдуард рассматривал фирму как бизнес-проект, а Владу всё это быстро опротивело.

Спринт

Хватило меня ненадолго. Пара выездов в сауны и одна квартира.

В одной из саун клиент специально снял презерватив, а я не заметила. Когда я это поняла, то сразу же попыталась прервать половой акт, но он начал силой держать мои руки и прижал своим телом к кровати. Я заплакала – прямо под ним, еле слышно, – после этого он остановился. Тогда я не знала о средствах первой помощи при незащищённых половых контактах, мать никогда не разговаривала со мной на подобные темы, и с девочками из фирмы мы не поговорили об этом. Я заранее не подумала, что может произойти подобное, я не была к этому готова. Единственное, что в тот момент вертелось в моей голове: «Я совершила роковую ошибку!»

Не шмогла

Страх заразиться ВИЧ-инфекцией и гепатитом был настолько силен, что я для себя решила: уж лучше умереть от голода и холода, чем от этой холеры. Почти все заработанные деньги я потратила на сдачу анализов, с ужасом ожидая вердикта. За те три дня, что готовились результаты, я уже миллион раз успела похоронить себя, смирилась с бессмысленностью своей маленькой и короткой жизни и, как когда-то в школе, вновь начала обдумывать суицидальный план.

Анализы показали, что я абсолютно здорова. Я ехала в трамвае из лаборатории и не верила своему счастью, одновременно злясь на то, что все предыдущие дни потратила на пустую болтовню с самой собой.

Разобравшись с физическим аспектом, нужно было думать, как жить дальше. Вернувшись в квартиру матери как побитая собака, но не рассказав ей о случившемся, я занялась поиском других возможных вариантов работы и отдельного проживания. Жить с ней было невыносимо, и даже моё короткое исчезновение никак не пробудило в ней элементарных материнских чувств.

– Если ты не свалишь от меня в ближайшее время, я выпишу тебя из квартиры и выгоню сама! Здесь нет твоей доли! Ты не имеешь никакого права на эту жилплощадь и на проживание здесь! Ты – взрослая девица! Вперёд и с песней

из родительского гнезда! У меня должен был родиться красивый мальчик! А родилась уродливая ты! Гадина!

Одновременно с этим меня накрыло колючим и дырявым одеялом стыда и осуждения. Мне казалось, что все вокруг знают, что я – проститутка, все меня презирают и на всем белом свете не найдётся ни одного человека, который будет способен полюбить такую, как я. Настало время, когда я не заслуживала человеческого отношения не только в глазах матери, но и в своих собственных глазах.

Одним из первых было желание броситься под поезд.

– Каренина смогла, и я смогу!

Но внутри меня было какое-то чувство, что так не должно произойти, что смерть не выход, что это будет не та пропасть, в которой почувствуешь ощущение полёта и эволюции. Это будет бегство и трусость. Уже в который раз я задавалась вопросом о самоубийстве и в который раз не могла решиться уйти из жизни.

Подставить железного друга, который регулярно и смиренно возит меня от одной станции к другой? Добавить сотрудникам лишнюю работу по отмыванию того, что от меня останется после мясорубки? Создать коллапс? У полиции и врачей и без меня работы достаточно. Некрасиво это всё и дурно пахнет.

Танцуй для себя! Только для себя, танцуй!

Был найден альтернативный вариант – танцевать.

Я позвонила. На том конце провода ответили утвердительно и назначили собеседование на этот же день. Я поехала в совершенно незнакомый мне район города. Весь путь на автобусе до необходимого пункта назначения я подпрыгивала от кочек и ям на дороге и своего внутреннего волнения. Я боялась, что меня не примут на работу, боялась, что автобус сломается, боялась пропустить нужную остановку, боялась потеряться, боялась маньяков, боялась своей непривлекательности, боялась своей наготы... боялась жизни!

Мне казалось, что дорога будет тянуться вечно, что, когда я приеду, вакансия перестанет существовать, а здание клуба рухнет под тяжестью веков.

Остановка. Мой выход.

Это была небольшая комната, в которой стояло несколько стульев, шкаф, стол и кожаное кресло. Ничего не привлекало взгляд, кроме сорокапятилетнего полноватого мужчины в кепке в должности арт-директора клуба. Его кепка с торчащей из-под неё во все стороны кудрявой шевелюрой позабавила меня. Было в кепке что-то настолько тинейджерское и несерьёзное, что придавало нелепость его внешнему виду, выглядело как желание подмолодиться или подражать како-

му-то известному режиссёру. Я нашла для себя тот штрих, который снизил градус моего напряжения.

Кепка немного переключила внимание, но ненадолго. Я старалась не показывать клубок своих переживаний, надев на себя искусственную маску уверенности и вуаль из лёгкой наглости и напористости.

Сначала он объяснил мне, в чём заключается суть работы.

– Нести секс в массы посредством танца, но без сексуального принуждения.

Всё просто и понятно.

– Раздевайся, мне нужно на тебя взглянуть.

Я не стала долго раздумывать. По телефону меня не предупредили о кастинге «до трусов», и если я была готова морально, то визуально не подготовилась вовсе.

Где-то между стульями, шкафом и столом стояла девушка в белых советских хлопчатобумажных тёплых трусах. Она пыталась эротично станцевать стриптиз в чёрных грязных демисезонных сапогах на плоской подошве. Это была пародия на эротику. Музыка, под которую пришлось выжимать из глубин себя чувственность и страсть, не обращая внимания на окружающее пространство и его атрибуты, была мне не по вкусу. Сознание растворилось, я не помню, что и как-де-лала. Арт-директор сказал, что принимает меня в коллектив.

Я не могла поверить в то, что произошло, и в то, что я сделала ради этого. Эта цель оправдывала средства. Я старалась

отгонять грустные мысли и не задумываться о том, через что пришлось пройти в этот раз. По сравнению с прошлым поприщем это было наименьшее для меня зло, потому что это было единожды.

Едва я вышла на улицу, поток радости вместе с порывом пронизывающего осеннего ветра внезапно подхватил меня, отрезвил и придал ускорения.

В кошельке были остатки денег, на часть из них я купила пару каблуков. В голове – праздник, а в душе – счастье. Именно в этот момент я поняла, что я – хозяйка своей судьбы. Я точно знала, что у меня всё получится. На завтра нужно было как можно раньше приехать в клуб, чтобы разведать обстановку.

Несмотря на мой заблаговременный приезд, в гримёрке уже сидели девушки. Меня очень удивило то, как они выглядели. Мне почему-то казалось, что я увижу перезагорелых красоток, стервозных, высокомерных и недружелюбных, на фоне которых я буду выглядеть серо и ничтожно. Это было первое моё заблуждение, но, тем не менее, я задавалась вопросом:

– Почему я не родилась такой же красивой?

Я боялась подойти к ним и первой завести разговор. Я привыкла к агрессии, которая лилась на меня ушатами всю мою сознательную жизнь, и не ждала иного. Это было второе моё заблуждение. У меня не было подходящего наряда для танца, и мне выдали что-то из закромов прошлых лет. С

миру по нитке – голому рубаха.

С первых заработков я нашла для себя недорогое отдельное жильё. Я не хотела снимать жильё совместно с кем-то из девушек, хотя это было бы дешевле. Я понимала, что можно сэкономить, но на личном пространстве я экономить не могла, для меня было слишком важно жить одной. Однажды поздно вечером, возвращаясь из магазина домой, я почувствовала, как на меня кто-то пристально смотрит. Резко остановившись и озираясь по сторонам, я увидела у мусорного бака бездомную кошку. Она сидела на холодном, обледневшем асфальте, была тощая, облезлая и грязная. Её глаза были полны отчаяния и смирения со всеми невзгодами, отражая то, что ей пришлось и ещё придётся пережить. Я была не согласна с её будущим. Теперь нас было двое, и мы обе имели крышу над головой и дом, из которого нас никто не выгоняет.

Душевные метания

Совсем скоро начали происходить перемены, которых я совсем не ожидала. Я не понимала своего душевного состояния. Я была гадким утёнком, потерянным, но не теряющим надежду, борющимся за право на жизнь. На собеседовании я вела себя чересчур самоуверенно, демонстрируя, что я чего-то стою. Но именно та дерзость помогла мне перешагнуть грань.

Самым страшным было то, что я не понимала, в какую сторону меняется моя жизнь. Временами мне казалось, что я – абсолютно полноценный человек, у которого есть работа, деньги, дом.

А можно ли считать это работой? А какая от неё польза? А каждая ли работа приносит пользу? Какая самая полезная работа? Может ли быть так, что на полезной работе человек бесполезен, а на бесполезной полезен?

Временами мне казалось, что я схожу с ума.

Неподконтрольная себе, я путалась в собственных мыслях, чувствах, эмоциях, целях. Я уже не понимала, для чего я выбрала именно эту сферу деятельности. Но успокаивала себя тем, что я научилась получать удовольствие от этой толи работы, толи не работы, успокаивала себя тем, что у меня есть деньги. Деньги на собственное содержание! На тот момент этого было достаточно, чтобы хоть немного вытягивать

себя из болота за косичку.

Мать, вместо того чтобы обрадоваться, что я убралась из её жизни, активизировалась и начала допрос с пристрастием. Я честно сказала, чем я живу, дышу и пахну. Теперь она упрекала меня за то, что я трясу голыми телесами перед публикой.

– Это омерзительно, грязно! Что? Не хватило мозгов найти достойное занятие?!

А по каким критериям можно понять, достойное занятие у человека или нет? Кто это решает? Где этот список достойных занятий? А как же фраза «не место красит человека, а человек место»?

Остапа понесло на пельмени и бухло

У меня не было интимных связей: я их не искала, и они меня не находили. Но мои потребности на почве негативно-го адреналина, в котором я жила с детства, вызова социуму, а также механизма желания противоположного пола и плотских утех, выраженного сферой деятельности и запущенного после первого секса, имели накопительный эффект и лишь усиливались. Порой я не могла уснуть. Мне хотелось выть и лезть на стену. Насыщенный рабочий график не мог поглотить мои страдания и похоть, которые разрывали меня на шмотки мяса, ломали мне кости, растирали всё в труху, чтобы потом собрать воедино и вновь запустить процесс по замкнутому кругу.

В один из пасмурных осенних вечеров, когда город поглотили сумерки, я, лёжа на своей кровати в темноте и смотря в потолок на уличные тени, отбрасываемые через окно в пространство комнаты, вдруг поняла: не нужно отношений, не нужно любви, не нужно ничего, кроме обычного животного секса, – и неважно с кем, хоть с первым попавшимся. Лишь бы убежать из этого ада, забыться, потеряться, уснуть. Это было моё прощание с недавно проснувшимся инстинктом самосохранения, похоть поглотила его, и страх перед половыми инфекциями исчез, но о возвращении на панель речи не шло. Встречи с мужчинами на финансовой основе были

для меня неприемлемыми. Неожиданно камнем преткновения для меня во взаимосвязи с мужчинами выступили деньги.

Поздним осенним вечером во дворе соседнего дома, через который проходила моя тропинка, стояла компания парней. Один из них подошёл ко мне и предложил познакомиться.

Через час мы были на его квартире вчетвером. Я и трое особей мужского пола с пивом и сигаретами. Я переспала с каждым из них по очереди.

С наступлением утра ко мне пришло чувство истощения, духовного и физического. Оно притупило мою боль, и я ошибочно восприняла его как чувство спокойствия и блаженства.

Я стояла перед зеркалом, когда меня неожиданно хлопнули с двух сторон по плечам разнополярные ощущения: с одной стороны, я была удовлетворена, с другой – во мне проснулся стыд, победоносно хлопающий в ладоши.

«Ну что? Мама была права? Какая приличная девушка позволит себе такое поведение? Ты – шалава от кончиков ушей до кончика хвоста!»

Дальше было дальше. Особи пустили по кругу мой номер телефона, а я пустила по кругу себя.

Мы ели пельмени, пили пиво, а потом трахались.

Так в моей жизни появились три пагубные привычки: беспорядочные половые связи, алкоголь без меры и табакокурение без границ.

В какой-то момент я поняла, что мне уже совсем всё равно, кто и что обо мне думает: мама, эти парни, что меня трахают, общество, дворник во дворе. Мне нужно было заглушить боль, и таблетка работала безотказно. Побочным эффектом был стыд за нарушение общепринятых рамок женского поведения, но я медленно, но верно боролась с этими ограничениями в своём сознании, пытаюсь понять, почему принято, что мужчинам можно вступать в интимную близость в том объёме, в котором они хотят, а для женщин это табу.

Мой эксперимент продолжался до тех пор, пока не пришло время для следующего. Я стала подопытным кроликом в своих собственных руках.

Зачем нужна девственность

Был среди всей этой шушары один кадр.

– Слушай, а у тебя, случайно, нет подружки-девственницы? – внезапно спросил он после секса.

– Нет, а тебе зачем?

– Хочу в жёны девственницу.

– Правда? А почему именно девственницу? Вдруг она тебе как человек не подойдёт?

Я никогда не понимала, как можно выбирать себе пару по каким-то внешним физиологическим критериям: цвет бровей, глаз, размер рук и ног, наличие или отсутствие девственности, волосатости или залысины.

– Ты дура, что ли? – злорадно захохотал он. – Не нужна мне жена, я просто хочу её трахнуть, и всё!

– А если ей захочется отношений, а не траха?

– Сделаю вид, что влюбился, что всё серьёзно, трахну и брошу, – сухо и агрессивно ответил он.

Я не знаю, удалось ли ему осуществить свой план, я в этом не участвовала.

Остапа понесло проверить себя на слабо

Когда я была ребёнком, я задавала себе вопросы. И самыми часто повторяющимися и сложными были три: каково убить человека? как пережить изнасилование? что чувствуешь, когда являешься мишенью?

Мне было интересно, смогу ли справиться с одним, другим и третьим и какой я получусь на выходе. Я не знала причину и корень возникновения именно этих трёх вопросов, но они всегда были со мной, сколько я себя помнила.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Чем дальше я уходила в дебри лихорадочного, бардачного изврата, тем более низким становился градус окружающих меня пареньков.

Зимний вечер. Я дома. Звонок на мобильный телефон. Через полчаса за мной заехал знакомый мне парень. Мы поехали к нему на дачу. Я не знала, что там меня поджидают, как в сказке, двенадцать месяцев. Об этом мы недоговаривались. Это была ловушка.

Началась жара. Пекло. Сначала у меня из рук вырвали сумочку, потом схватили за волосы, горло, руки и ноги и потащили в одну из комнат. Я кричала, умоляла меня отпустить, не понимая, зачем применять грубую силу. Зачем причинять боль человеку, который даёт то, что тебе нужно? Зачем устраивать засады и насильственными методами изде-

ваться толпой? Я не понимала этого со времён школы, я не могла понять этого и сейчас.

Меня бросили на кровать и закрыли в комнате. Я подбежала к двери и сквозь слёзы пыталась им что-то сказать, но у меня не получалось. Дыхание перехватывало, голос на непродолжительное время пропал от внезапного шока. Я кричала и скребла ногтями дверь. По ту сторону запертой двери я слышала дикий хохот, угрозы и мат.

– За что? За что вы со мной так? Что я сделала? Выпустите меня! Что вы вообще творите! – еле-еле шипела я.

Дверь открылась. И первый из них, кто зашёл в комнату, сказал:

– Мы не отдадим тебе вещи и не выпустим тебя отсюда, пока каждый из нас тебя не...

Он сказал так, что было понятно: если не подчинюсь и буду сопротивляться, начнут бить.

Осознав неизбежность ситуации, я на первой секунде впадала в ступор, на второй секунде стала пуста, на третьей секунде моментальный поток мыслей, пришедших извне, накрыл меня невидимой лёгкой пеленой, которая давала надежду и освобождение моему телу:

«Быть избитой или быть истраханной? Если что-нибудь произойдёт с моим здоровьем, я напишу заявление об изнасиловании, потому что будет нечего терять, совсем нечего, если меня лишат моей самой важной радости в жизни, которая спасает меня от бесконечной неутрахающей боли. Их по-

сдают, а я наконец-то решусь сделать то, на что раньше духу не хватало. Если не будет противовеса боли, то не будет и меня. Я без похоти не справлюсь».

– Хорошо, – ответила я, утерев слёзы и собрав всю волю в кулак. – Я готова. Только я выберу, кто за кем будет идти. Давайте по списку, товарищи, – мой юмор не к месту подбодрил меня же саму в этой ситуации. – И каждый, кто заходит в эту комнату, приносит для меня налитую кружку пива!

После произнесённого мной слова «товарищи» я вспомнила свою тоску по СССР, явление которой не могла логически объяснить, как ни пыталась, но которая всегда была со мной. Почему-то мне думалось, что, если бы не развалилась эта страна, никогда бы не посыпалась моя жизнь: мама бы не прятала колбасу, меня бы не унижали в школе за то, что я выгляжу нищей, я бы нашла работу и смогла получить образование. Я считала, что Россия хуже, чем СССР. Эпоха, в которой мне удалось родиться, но не удалось пожить, была эпохой, благодаря которой, как мне казалось, во мне не умер человек. Советский Союз – страна, победившая вместе со всем миром фашизм. Россия – страна, в которой женщине приходится работать проституткой или голым телом, потому что иначе не выжить. Я была рождена на последнем вдохе государства, остановившего мировой садизм, а не в побитой, изувеченной России. Эгрегор силы дал свои плоды.

А потом я вспомнила про киностудию «Союзмультфильм», мультики и себя маленькую, плачущую под «Голу-

бой вагон», «Луч солнца золотого» и «Чунга-Чанга», когда кораблик был скован во льдах и потерялся. Есть доброе и светлое даже там, где вокруг насилие и боль. И я решила, что буду смотреть мультики, несмотря ни на что!

Расщепление – в тот момент я испытала это впервые. Когда твои эмоции и чувства отключаются. Состояние, когда ты не здесь и не сейчас, когда ты не ощущаешь своё тело. В тот момент мне не хотелось умереть. Я не чувствовала ни гнева, ни стыда, ни боли, ни радости, ни счастья, ни печали, ни уныния. Я чувствовала, что я где-то далеко-далеко, там, где любовь. Любовь, которая не требует унижения или насилия, любовь, которая созидает этот мир и каждый раз спасает его, какими бы парадоксальными и противоречивыми для понимания людей ни являлись методы спасения. Было всё, и не было ничего. Я растворилась в пространстве жизни ценой отравления себя на физическом уровне в виде алкоголя и насильственного секса, беспощадного, грубого и жестокого.

Гораздо позже я узнала, что я не одна такая.

Я не написала заявление об изнасиловании в милицию. Я боялась, что никого не найдут, что мне отомстят за правду, что люди меня же и обвинят в случившемся, что я никогда не выйду замуж из-за официального клейма.

Я никогда больше не встречалась ни с одним из участников цирка, ограничив круг половых партнёров до минимума.

Истерики по пьяни

Следующим этапом было психическое расстройство. Воспоминания о изнасиловании давали о себе знать. Это была депрессия. Теперь алкоголь я употребляла не для увеселения, а чтобы забыться и одновременно смириться: не могла привыкнуть к новой роли.

После изнасилования алкоголь и слёзы шли рука об руку. Я пила для того, чтобы рыдать, и я рыдала, когда пила. Чувство невероятного облегчения, вызванного совокупностью трёх элементов – я, алкоголь и слёзы, – давало мне уверенность, что плакать теперь я буду не одна: вместе со мной должно заплакать всё вокруг, живое и неживое.

Я пыталась понять, почему я не ощущаю стыда, позора, жалости или озлобления по отношению к своему телу. Я думала об этом в перерыве между стаканами, но не могла найти ответа. Внутри меня была тишина и пустота.

Ненавидеть тех, кто надругался надо мной, было бессмысленно, если я не планировала их убивать.

Будучи ребёнком, я впитала в себя токсичные пары. Слишком много боли. Боль не могла прорваться наружу. Фурункул внутри мог вызвать смерть всего организма. Благодаря мощному щелчку фурункул лопнул, и его вскрытию способствовало изнасилование, как бы безумно это ни звучало.

Мне сложно было справляться с болью внутри меня, но

гораздо сложнее оказалось с нею справиться, когда она показала своё лицо. Окружающие люди стали держаться от меня подальше, остерегаясь и испытывая отвращение.

На работе я держала марку, моя репутация была кристально чистой, но стоило мне выйти за пределы рабочего пространства, как каждая моя пьянка заканчивалась слезами, руганью и проблемами.

Я отдавала себе отчёт в том, что мои истерики несут угрозу для окружающих, как психологическую, в виде испорченного настроения, так и физическую, но я до конца не отдавала отчёт своим поступкам и сама не знала, чего от себя ожидать, поэтому перешла на одиночный алкоголизм, до лучших времён прервав все приятельские связи. Похмельное раскаяние стало постоянным гостем в моей квартире.

Так проходила моя зима.

Издержки изнасилования

Невыносимая боль, под давлением которой моё тело сжималось и разжималось с такой силой, что было тяжело дышать, стремление бежать без оглядки и желание быть с людьми – всё это на сумасшедшей скорости мешалось во мне, отключая разум.

Не зная, как разорвать замкнутый круг из страданий и боли, я чувствовала, что сил сопротивляться больше нет. Я не знала, как это остановить, и отправилась на поиски истины в местный бар, чтобы принять нелёгкое для себя решение.

Сидя за барной стойкой с кружкой пива, я надсмехалась над собственной жизнью.

Наблюдая за окружающей обстановкой и людьми, я слышала их похотливые мысли, со скрежетом проходящие сквозь меня, чувствовала все их ощущения и желания. Я поразилась, насколько остро и открыто можно видеть жизнь. Это была грязь, в которой я не хотела больше находиться, но, как от неё уйти, я не знала.

Люди ржали, пищали, визжали, натужно делали вид, что счастливы, некоторые сидели и что-то бурно обсуждали, едва не переходя на крик, но большинство пришло показать себя и раскисало от скуки, не давая этому чувству отразиться на своём лице.

Какой-то мужик присел познакомиться со мной. Справа

от него неожиданно выросла спутница, которую он упорно выдавал за свою сестру. Она играла в его игру, по его правилам, пренебрегая при этом собой. Её широкая красивая улыбка, как в рекламе зубной пасты, сверкала белизной всех зубов, но её глаза говорили об усталости души, мучении и безволии. Он специально провоцировал её подобным образом. Садист. А я искала ту грань, зайдя за которую, понимаешь, что лучше умереть, чем видеть всё это.

Меня пригласил на танец какой-то щёголь, который начал пытаться, будучи без певческих талантов, спеть мне песенку на ночь, чтобы склеить меня со своей кроватью. Мне взгрустнулось ещё больше. Ещё один паразит. Очередной паразит. Ну, что ж поделаешь, мода нынче такая – на секс и деньги, а остального не существует.

Когда я напилась до состояния готовности попрощаться с этим миром, я решила напоследок потанцевать так, чтобы было всё, что есть: красивое и убогое, грязное и чистое, ужасное и прекрасное, пошлое и тело.

Всё смешалось воедино ровно также, как после моего первого сексуального контакта.

К концу моих сумасшедших танцев меня попросили покинуть помещение.

– Им можно лицемерить, а мне с моей правдой нужно уйти? – сказала я напоследок.

Я вышла. Толпа курящих парней у входа кинула в мой адрес что-то обидное. Я ответила им тем же и почувствовала,

как хамство прошло через всё моё существо. Я рухнула в ближайший сугроб и горько заплакала. Всё те же парни стояли и заливались диким хохотом, глумясь надо мной, им было весело оттого, что мне было плохо. Всегда проще осудить человека и допинать его, чем помочь.

Столпились люди.

Я не помню, откуда она появилась, девушка, которая встала на колени рядом со мной, обняла и сказала, что всё будет хорошо. Единственная из всей многочисленной собравшейся публики, кто проявила ко мне человечность, невзирая на страх и общественное мнение. Только она одна не побоялась подойти к прокажённой падающей вниз женщине, которая не знает, как дальше жить.

– Девушка, что случилось? Что с ней? Пойдёмте, я отвезу вас домой. Пойдёмте в машину, – участливо сказал мужской голос.

Он заботливо поднял меня и деликатно отряхнул – так поднимают лежащую на снегу розу, красивую, но беспощадно брошенную на мороз, – появившись также неожиданно, как и моя спасительница. Как только он аккуратно посадил меня в свою машину, я тут же отключилась.

Я не помню, сколько времени прошло, но когда я взглянула на мир, то не смогла сориентироваться. Шалая, я продолжала плакать, временами истошно взывая всё то время, что я не помнила себя, и всё то время, что была в сознании. Он был шокирован и не знал, что со мной делать.

– Да что с тобой? Что ты плачешь? Сколько можно плакать? Почему ты плачешь? Что случилось?

Мне стало душно от его вопросов, на которые я не могла ему ответить.

– Куда мы едем? Останови машину! Пожалуйста, останови машину!

– Нет, где я тебе здесь остановлюсь? Сейчас доедем до...

– Доедем до? Куда ты меня везёшь? Выпусти меня из машины! Он мог остановиться, но думал, что отказом сумеет привести меня в чувство. Он ошибся. Условные рефлексy работали молниеносно вне зависимости от моей кондиции. Я открыла дверь автомобиля, чтобы выскочить на ходу.

Не желая быть с кем-то рядом, я хотела, чтобы меня запинали, придушили, забили до смерти, а не помогали. Я жаждала никогда не родиться. Я не знала, как сделать этот мир лучше и как продолжать жить в том, что меня окружает.

Пытаться выпрыгивать не пришлось. Он сразу остановился у обочины, а я пошла прочь. Мужчина проехал несколько метров вперёд, а женщина прошла несколько шагов по высокоценным придорожным сугробам, после чего они оба на миг обернулись друг на друга, чтобы окончательно отвернуться. Он дал по газам и уехал. Так было лучше для нас обоих.

Я осталась одна на трассе. На секунду меня пробрал страх, который тотчас ушёл, как только я подняла глаза. Высоко, в ночном тёмно-синем и беззвёздном небе, как царица, обречённая высотой своего полёта на единение со всем миром,

благородно сверкала одинокая серебристая луна. Мы были вдвоём на бескрайнем просторе жизни земли и неба.

Я, зачарованная её красотой и безмолвием пространства, не могла отвести глаз, а она говорила мне:

– Не бойся, я с тобой, я тебя вижу, ты не одна. Просто иди.

– Я иду. А куда иду? Для чего иду? Зачем? Зачем рождается человек? Зачем родилась я? Я так устала задаваться этим вопросом, но я не могу перестать его задавать. Мне нужно знать наверняка, для чего я родилась, иначе это будет бесполезная жизнь.

Я шла и бурчала себе под нос одно и то же, медленно пробираясь по декабрьской глубокой и вязкой серой массе, загребая в свои брендовые ботфорты смесь из дорожной грязи и чистоты зимы.

Несколько машин пронеслись мимо на огромной скорости. Я не пыталась их остановить и попросить о помощи.

Я обессилела и безропотно смирилась с тем, что, как мне казалось, ожидало меня через час или два: обморожение и смерть. Я уже начала озираться в поисках места для моего сна, как в паре метров от меня у обочины остановилась машина. Окно опустилось.

– Девушка? Вы в порядке? Что случилось? Вам нужна помощь?

– Мне так неудобно, я грязная и пьяная. Я не испачкаю вам авто? Простите, у меня язык заплетается... – О чём вы говорите? Садитесь, какой у вас адрес? Вы помните? Мы вас

отвезём.

В машине, которая, как спасательный круг среди необъятного синего моря ночи, появилась откуда ни возьмись, сидели мужчина и женщина.

Они повторяли мне те же слова, что и девушка около бара – Всё будет хорошо.

В дорогущих замызганных сапогах и в не менее заляпанной кожаной куртке с богатым лисьим мехом, слипшимся от моих походов, с растёкшимся макияжем и размазанной на пол-лица алой помадой, я ввалилась в квартиру, на автомате закрыла входную дверь, взглянула на себя в зеркало и дико засмеялась.

– Ваше благородие, госпожа Удача! Не везёт мне в смерти, повезёт в любви?

После чего рухнула в коридоре, не сняв верхней одежды, и уснула.

Я оказалась в колыбели жизни, которая бережёт маленького несмышлёного ребёнка своей любовью.

Все мы были исполнителями воли вездесущего. Ничто не способно было помешать тому, что задумано.

Кто-то крикнул: «Шлюха!»

К началу весны мне удалось поумерить свои алкогольные аппетиты. Природа просыпалась ото сна, и я не могла позволить себе пропустить этот волшебный момент. Каждый из трёх месяцев имеет свой особенный, неповторимый запах. Благодаря весне я вышла из запойной ямы и захотела вновь дышать. Весенний пьянящий воздух невозможно заменить никакими спиртосодержащими напитками. Лица людей с приходом весны озаряются солнышком, и на смену серости приходят яркие краски, меняющие всё вокруг.

Я шла по тротуару, наслаждаясь пробуждением.

Уже растаял снег, и люди гуляли в джинсах и футболках, распахнувшись и встречая весну широкими дружелюбными объятьями.

– Шлюха! – громко крикнул кто-то из проезжавшей мимо меня машины.

Девушки с юношами, сидящие на скамейке неподалёку и ставшие невольными свидетелями этой сцены, почти синхронно произнесли:

– Вот идиот!

Они сделали это так, чтобы я услышала, и смотрели в мою сторону сочувственно, тем самым выражая своё участие, поддерживая меня и осуждая хама.

Мне захотелось провалиться под землю или начать бежать

куда глаза глядят, лишь бы никто меня не видел. От возникшего нервного перенапряжения началась дрожь во всём теле, подступил тошнотворный рефлекс и потемнело в глазах. Ещё чуть-чуть, и я была готова потерять сознание, но старалась идти как ни в чём не бывало.

Почему из всех, кто шёл по улице, он выбрал именно меня? Почему я? Я ведь не за деньги, а по любви! Да, любила я всех! Моей любви хватит на всех!

Какая разница, спишь ты за деньги или бесплатно? В любом случае найдутся те, кто осудит тебя по всем параметрам. Тогда зачем делать исключение и стремление? Стараться быть честной, доброй и бескорыстной? Возможно, я и правда шлюха, просто боюсь сама себе в этом признаться? Дальше так продолжаться не может!

Я была на перепутье. Выбрать пуританство, промискуитет или коммерческий секс? Конька-Горбунка со мной рядом не было, но с тремя котлами нужно было что-то делать. Вылить? Разбить? Или употребить по назначению?

Разгадать ребус и успокоиться! Хватит себя мучить!

Когда я сумела притормозить себя, либидо остепенилось и не беспокоило меня до принятия окончательного решения.

Пришло осознание, что бесплатный разврат, не несущий в себе никакой практической пользы, стал унижительным и бесполезным, перестав представлять интерес. Зачем тратить время и силы на тех, кто тебя не ценит и ровно так же, как парень, выкрикнувший свою реплику из окна машины, счи-

тает меня лярвой, но не говорит об этом вслух?

Раз меня называют шлюхой, почему бы мне вновь не попробовать ей стать? Оскорбление меня простимулировало.

«Шлюха? Как шлюха? Может, не стоит? Может быть, лучше рассмотрим другие варианты?» – «Пусть будет шлюха, дай ребёнку поиграть. Даже если попытка будет пыткой, ничего не бойся, мы всегда рядом».

Закрыли

Несмотря на уличное происшествие и решение, принятое мной в состоянии гнева и обиды, финансовая подоплёка отношений с противоположным полом продолжала оставаться навливать меня от интимных связей за деньги. Я оттягивала момент и ждала, что всё решится само собой. Я слишком любила клуб, где я работала: наш коллектив, начальство, атмосферу. Заработанных денег всегда впритык хватало на жизнь, но их всегда хватало, без насилия над собой.

И тут как гром среди ясного неба арт-директор произнёс заветную речь, которая одновременно расстроила и обрадовала меня.

– Наш клуб закрывают. Следующие две смены – последние.

Причины нам не объяснили, но мы все их прекрасно понимали. Созданный властью выродок алчности и безграничной жадности хотел денег. Кто-то, с кого деньги требовали, принципиально отказался их платить.

Волшебный пинок в виде увольнения натолкнул на принятие решения. Я сменила номер телефона и отправилась туда, откуда полгода назад убегала сломя голову. Нужно быть готовой. Есть грань, которую нельзя переступить, если я хочу быть счастливой, несмотря ни на что. Сорваться и упасть в бездну, в небытие, гораздо проще, чем кажется. Срывать-

ся в мои планы не входило. Прodelать такой длинный путь, пережить столько боли и пропасть сейчас? Здесь? Неужели я настолько слабое создание, что позволю этому случиться?

Внутренний диалог с самой собой доказал, что общественное мнение касательно секса за деньги окончательно потеряло для меня всякое значение, но моё личное отношение к деньгам и отношениям за деньги требовало трансформации. Мне нужно было найти цель, которая бы оправдывала средства, но оправдывала не меня в лице других людей, а деньги как фундамент взаимодействия между мужчиной и женщиной.

В моей голове оформилось желание купить себе квартиру, свою собственную квартиру, в которой я и моя пушистая мурчащая подруга будем полноправными хозяйками. Появилось направление, цель, ради которой я планировала затеять всё это мероприятие. Деньги не будут препятствием, не испортят и не уничтожат. Я не хотела превращать себя в корыстную, меркантильную особу. Я не могла позволить деньгам выиграть мою битву за человека.

Побили

Ко второму стриптиз-клубу я пришла адреналиновым ма-
ньяком с полным отсутствием инстинкта самосохранения; то
были издержки надломленного детства, изнасилования и ли-
кующей похоти. Весь клубок внутреннего и внешнего сме-
шался в шипучий ядрёный коктейль экстремальной страсти
к жизни. Но при этом из тёмной и дальней пещеры моей
души периодически постанывал стыд. Его голос появлялся
внезапно и так же внезапно исчезал.

На новом месте работы заниматься проституцией не за-
прещалось, но и не возбранялось. Предложения поступали,
но я никак не могла решиться. Мне казалось, что время ещё
не пришло, не всё было уложено по полочкам в голове и ду-
ше, и если раньше времени пуститься в бой, начать атаку, то
можно проиграть сражение. Это была не трусость, это была
выдержка.

Мой адреналин запаял краны разума за время внутренней
подготовки, отделив внешнее от внутреннего, и незаметно
для себя, естественно и стремительно, я оказалась рядом с
ним. Я не помню, как произошло наше тесное знакомство и
первая близость: настолько я была погружена в себя, что не
заметила, что происходит в моей жизни. Он был большой,
просто громадный. Его физиономия была не для слабонерв-
ных. Он неофициально занимал пост заместителя по всем

вопросам клубного заведения и был правой рукой и глазами учредителя. Финансовую поддержку он мне не оказывал, а у меня в мыслях не было просить у него денег: я зарабатывала достаточно, чтобы об этом не думать и не говорить. Когда я немного очухалась и начала воспринимать окружающую меня действительность, я поняла, как всё вышло. Он нужен мне был не для денег, а для того, чтобы чувствовать себя на игле и тешить своё эго, имея определённый статус среди остальных девушек. Ведь так приятно быть особенной! Быть приближённой приближённого к императору – это исключительный статус. Так произошло моё знакомство с властью. Мечты о квартире были положены в долгий ящик.

Я невидимой ширмой отгородилась от других девушек в своём стремлении, учась держать дистанцию, но при этом общалась со всеми на равных, не позволяя себе высокомерия, надменности и тщеславия. Хотя эти качества людской природы пытались посеять свои семена в моей душе и дать плоды, я вырывала и выбрасывала их прочь, помогая и выручая девушек по мере своих возможностей: косметикой, костюмами, деньгами, заменой на работе, в вопросах с руководителями. Я не собиралась идти у алчности на поводу, я хотела диалога. Я отдавала себе отчёт в том, что сегодня на этом месте я, а завтра может быть другая, хотя Олег не давал мне поводов для ревности, а, наоборот, в своей грубой манере стремился аккуратно и положительно выделить меня перед коллективом, когда выпадала такая возможность. Я

чётко понимала: одно неловкое движение, и я окажусь между двух огней, в эпицентре скандала, являясь либо главным участником, либо непосредственным зачинщиком. Теперь мне нужно было лавировать между начальством и сотрудниками, корректно подбирая слова и выражения, быть щепетильной во всех вопросах.

Без лишних слов по обоюдному согласию мы не демонстрировали своих отношений на работе, наш роман касался только нас двоих, поэтому не искажал обстановку. Мы не бравировали друг другом. Все прекрасно знали о нашей связи, но не смотрели искоса и не плели интриг. Всё было по-прежнему, кроме приобретаемых мною новых навыков.

Я продолжала жить в арендованной квартире вдвоём с кошкой, а встречи с ним происходили у него дома. Я не знала о его прошлом и не спрашивала, а он не рассказывал. В перерывах между сексом мы обсуждали рабочие моменты и смотрели вместе фильмы: документальные, исторические, драмы, комедии – в нашем списке не было разрешённого или запрещённого жанра киноискусства.

Возможно, я была уже готова пуститься во все тяжкие, а именно: денежно-сексуальные взаимоотношения, но я спала только с ним, потому что считала свинством демонстративно уходить с мужчинами под носом у того, кого сама выбрала. Для меня это было как-то чересчур. Одно дело – знать о наличии других мужчин в жизни женщины, и совсем другое – видеть конкретных кандидатов. Мы с ним не поднимали эту

тему. Он никогда не говорил мне, что запрещает уединяться с теми, кто мне заплатит, но что-то мне подсказывало, что, пропусти я в наши сексуальные отношения работу, мне бы повеселилось познакомиться с его кулаками раньше. Когда я сказала, что нашим отношениям пришёл логический конец, он нашёл повод меня ударить.

Весь вечер он держался поодаль, наблюдая за тем, как я общаюсь с гостями, и не сводя с меня глаз. Как только я пошла в туалет, забыв о том, что сзади, на лямке бюстье, вложены чаевые, которые следовало отдать менеджеру, он кинулся за мной, а затем в коридоре, куда гости не имели возможности войти, схватил меня за волосы, развернул к себе, ударил кулаком по лицу и одним движением вкинул меня в примерку, где я чудом не наткнулась глазом на угол трюмо, запнулась и упала на пол.

Больное, уязвлённое самолюбие, желание схватить меня и разорвать в клочья, чтобы я никогда больше не смогла произнести в динамик телефона: «Я к тебе не приеду», – помutilо ему разум и превратило его в чудовище. Я знала, что он способен убить. Это после содеянного он бы, возможно, раскаялся и думал, куда прятать тело, а в тот момент он не понимал, что творит. В примерке никого не было, мы были один на один.

Я начала отползать как можно дальше от него, но он схватил меня за ногу и резко дёрнул к себе. Я развернулась на спину лицом к нему и полулёжа в отчаянии крикнула:

– Не нужно меня бить! Я забыла об этих деньгах! Неужели ты думаешь, что ты был рядом с воровкой? Ты прекрасно знаешь, что я не воровка! Ты знаешь это! Я не воровка и не крыса!

Он остановился. Больше он меня пальцем не тронул. Его злобное выражение лица изменилось на похотливое.

Я не провоцировала ситуацию дальше, отключив гнев, страх и всё, что можно было отключить. Он достал из моей сумки мобильный телефон и забрал его с собой.

– Сиди здесь, я сейчас вернусь.

Через десять минут в гримёрку вошли мои коллеги во главе с ним.

– Она – воровка. Что будем с ней делать? Все деньги, которые она заработала, пойдут в счёт клуба, но мне кажется, что за такое ей нужно понести наказание посерьёзней, – он упивался своей властью.

Я сидела на стуле, окружённая девочками, каждой из которых пристально по очереди смотрела в глаза, с которыми ещё совсем недавно мы были в одной упряжке.

Наступила тишина, продолжавшаяся несколько секунд.

– Пусть платит штраф! А ещё нужно её хорошенько отметить! Таких, как ты, нужно бить!

Я прекрасно видела, что она метит на моё место – на место рядом с Олегом. Видимо, она была не в курсе, что место уже вакантно.

«Какой ещё штраф?! Все мои заработанные сегодня день-

ги заберут, я здесь больше работать не буду! А ты ещё штраф предлагаешь мне вменить?» Я обалдела от наглости и жестокости этой девицы. Её соперничество, выраженное агрессией, затмевало ей рассудок настолько, что она даже не могла на секунду представить, что любая, в том числе и она, может запросто попасть в аналогичную ситуацию.

– Вынося мне вердикт, помните, что ни одна из вас не застрахована от подобной участи.

Я отвела глаза в сторону и безразлично уставилась взглядом в стену. Мне было уже всё равно, что они там нарешают.

Он ещё раз повторил свой вопрос всем присутствующим.

Желающая расправы больше не выступала, а остальные девушки как-то дружно и солидарным безмолвием дали ему понять, что меня нужно оставить в покое. Они ничего не говорили, но сочувствие в их глазах говорило само за себя.

– Хорошо, все свободны. Возвращайтесь в зал!

Он хотел убить двух зайцев сразу: показать, что плата за воровство будет суровой, но больше этого ему хотелось растоптать меня по всем фронтам, привлекая к этому других людей, делая грязную работу чужими руками.

Когда все девушки покинули гримёрку, мы вновь остались вдвоём. Я начала волноваться, что побоище не закончилось, не понимая, что ещё ему от меня нужно. С глазами, задающими один-единственный вопрос: «Что тебе ещё от меня нужно?» – я вперилась в него.

Тут произошло то, чего я ну совсем никак не ожидала. Он

навязчиво и упорно начал предлагать мне поехать за деньги с его другом, который находился в зале и с которым я непродолжительное время имела возможность пообщаться, рекламируя мне его со всех сторон. Складывалось ощущение, будто он хотел проверить мою стойкость.

– Тебе деньги лишние, что ли?

– Я не поеду с ним ни за деньги, ни без денег! Оставь меня, пожалуйста, и отдай мне мой телефон. Я вызову такси и уеду домой.

Дома у меня открылось носовое кровотечение и я сразу поехала в больницу. Оказалось, что он повредил мне носовую перегородку. В этот же день я обратилась в полицию. Единственным непосредственным свидетелем удара была Марьяна, наш менеджер. По иронии судьбы она училась в юридической академии. Она видела удар, но на допросе у следователя сказала, что ничего не было, что это всё мои выдумки и обиды на Олега за то, что мы с ним расстались по его инициативе. Когда я взглянула перед уходом ей в глаза, у неё был виноватый вид. Но что толку от твоего виноватого вида, если тебе не хватило смелости сказать правду? Но хватило трусости поощрять ложь, насилие и безнаказанность.

Уволили

Я была снова готова попробовать то, что год назад не получилось реализовать, а именно: сделать из себя машину по зарабатыванию денег.

В третьем стриптиз-клубе я начала заниматься сексом за финансовое вознаграждение. Я влилась в струю быстро, непринуждённо, в первую же смену. Я села за столик, предварительно уточнив, могу ли я составить компанию двум уважаемым мужчинам, и уже через пятнадцать минут приятного разговора меня пригласили в номера.

Номера были здесь же, не отходя от кассы. Я была счастлива, насколько это возможно, когда воспринимаешь своё тело и интеллект как инструмент для достижения цели.

Дело по осуществлению задуманного начало продвигаться. Я танцевала от души, пила умеренно, курила редко и регулярно клала заработанные деньги на счёт в банке. Так продолжалось в течение месяца, пока не произошло одно неприятное происшествие.

– Ты будешь с ним, а я с ним, мы уже обо всем договорились. Держи деньги, пойдём скорее! – торопила она меня.

Глаза блестели, а на лице была такая широкая улыбка, что я, не делающая из денег идола, даже представить себе не могла, что вся её сумасшедшая радость от шуршащей котлеты – между ног. Слишком силен был приступ её эйфории, чтобы

связывать его только с возможностью заработать. Я ошибалась, поэтому и не увидела здесь подвоха. У нас были разные взгляды на жизнь, но я имела неосторожность мерить её со своей колокольни, даже на секунду не задумавшись, что её дикий экстаз может быть вызван непомерной алчностью.

Возможно, совершая подобное, Кира рассчитывала на мою безотказность после проведённой оплаты или малодушие и смиренное повиновение перед сложившимися обстоятельствами. Я не спрашивала о её мотивах, когда в номере отеля поняла, какую подставу она мне учинила. Кира как организатор всего действия привела меня на бойню, зная, что нас там ждёт, а в глаза, будучи в стенах клуба, говорила мне о другом сценарии.

Несколько девушек из нашей труппы знали, кто заплатил нам обеим, но промолчали, не предупредив меня, ехидно поглядывая мне вслед перед уходом. Одни знали, но промолчали, другая сказала неправду обеим сторонам, а я поверила на слово, не проверив информацию из первых уст. В результате получилось то, что получилось.

В номере отеля оказались, помимо двух юношей и двух прибывших с ними спутниц, ещё трое мужчин, рассчитывающих получить свой кусок пирога. Но это были ещё не все сюрпризы, уготованные мне. Помимо всего, я и моя напарница должны были немедленно начать жадно любить друг друга.

– Подождите, подождите, ребята! Что здесь происходит?

Я не в курсе. Мне была описана иная программа. Честно. Я на самом деле не понимаю, что сейчас здесь творится. Не сердитесь, но если бы я была готова к этому, то не задавала бы подобных вопросов.

– Как? Мы договорились с твоей подругой. Она сказала, что ты на всё согласна, что всё с тобой обсудила.

– Теперь вы наглядно видите, что она наврала и мне, и вам. Так, где источник лжи? Куда она делась?

Врушка была в ванной, готовая к труду, но не к обороне, когда я в порыве сильнейшего негодования настезь раскрыла дверь. Она вздрогнула и, взглянув на меня, всё поняла.

– Какие ты басни рассказала мужчинам? Ты не понимаешь, что своим поступком ты всем здесь создала напряжение? Зачем ты наврала?

Я не кричала на неё, не материлась, не кидалась с кулаками, но я внятно дала всем понять, что обмана не потерплю.

– Я извиняюсь за недоразумение. Вернёмся к менеджеру, чтобы уладить вопрос? Я не планирую вас обманывать и забирать ваши деньги себе, ни в коем случае. Это некрасивое событие нужно утрясти.

– Ничего страшного. Пусть менеджер позвонит на мой мобильный телефон. Я останусь в номере.

– Хорошо. До свидания!

Я развернулась и ушла. Участвовать и потакать лжи я не собиралась.

Через пятнадцать минут я, наш менеджер Надя и глава

церберов сидели втроём в кабинете. Начальник охраны не разделял моей позиции и был против подобного поведения.

– Где вы вообще её откопали? Кто она такая? Тебе заплатили деньги, иди и отработывай! Мы ничего не будем возвращать!

– Я уже договорилась с гостями, и они согласны, чтобы им вернули деньги. Кира наврала всем. У неё и спрашивайте, для чего она создала подобную ситуацию.

Я была спокойна как удав, это ещё больше рассердило цепного пса.

– За подобную выходку с тебя штраф! Те деньги, которые мы вернём им, заплатишь ты!

– На каком основании? Пусть она их и возвращает! Меня подставили, мужчин подставили, а виновата я?!

Я приняла защитную позицию.

– Разговор закончен!

– Я не буду ничего платить!

– Тогда ты уволена!

– Разве вы имеете право увольнять и принимать на работу? Не вы здесь директор! Когда директор вернётся из отпуска, я буду разговаривать лично с ним!

– В его отсутствие я решаю спорные вопросы! Ты уволена! Возомнила о себе чёрт знает что! Не платите ей деньги за сегодняшнюю смену, она их не заслужила!

– Это вы возомнили о себе чёрт знает что! Принимаете подобные решения без ведома директора, пока он далеко, не

ставя его в известность о сложившейся ситуации!

– Закрой свой рот, потаскуха!

– Я вижу здесь одну потаскуху из нас троих! И она не женского пола!

– Ты мне поговори ещё! – О чем мне с вами разговаривать? Я же уволена.

Конец разговора происходил на повышенных тонах и уже не сидя, а стоя в позе атакующих противников. С начальником всевидящего ока меня разделял стол и Надя, которая с округлившимися глазами наблюдала за нашим эмоциональным диалогом, но дальше позиции смотрящего не двинулась и своё мнение оставила при себе.

Вернувшись в гримёрку, Надя попыталась внести свою лепту в происходящее. Свидетельницами моего непоколебимого решения стали несколько танцовщиц, находящихся в помещении.

– Не горячись... Ты ведь выступишь эти деньги очень быстро. Стоит ли из-за этого случая уходить?

– Уволена, значит, уволена! Пошёл он к чёрту! Вершитель судеб! Ты слышала, какими словами он закидывал меня? Ты слышала? Это нормально? Это в порядке вещей? Я одна из тех, кто приносит доход этому заведению! А он мне же это ещё в вину ставит и оскорбляет меня за тот способ заработка, благодаря которому существует всё это! Ему нужны рабыни, пусть их и коллекционирует!

В этот вечер я забыла взять с собой кошелёк на работу.

Утреннее такси до дома я планировала оплатить из чаевых, заработанных за ночь. Моего ночного заработка хватило бы на несколько десятков такси, но меня его лишили. Таким образом, я осталась совсем без денег.

Все делали сочувственные лица, старались меня подбодрить, при этом держась за свой карман как можно крепче. Когда я попросила помочь мне добраться до дома, никто из нашего многочисленного коллектива не откликнулся. Билет в общественном транспорте стоил несколько рублей, но денег ни у кого не нашлось, настолько все притворились нищими.

Вызывая такси, я честно рассказала водителю о случившемся и уточнила, готов ли он отвезти меня при отсутствии с собой денег. Деньги за поездку были дома. Он мне поверил.

Спустя месяц мне позвонила одна из сотрудниц танцевального ринга и предложила вернуться.

– Меня же заклеямили. В честь чего я вернусь обратно? По амнистии?

– Начальника службы охраны уволили.

Назад дороги нет

Я вновь занялась поисками работы в той же сфере, другие сферы деятельности меня уже не интересовали.

Как когда-то давным-давно я нашла объявления в газете и начала прозванивать предложения. Теперь я не бросалась на амбразуру, не рассматривала первых попавшихся работодателей: я искала человеческое отношение в нечеловеческих условиях.

Ищущий апартаменты да обрящёт.

Смены в фирме были дневные и ночные. Меня это удивило, позабавило и одновременно смутило. Я не знала, о чём говорить с мужчинами, как себя вести, как сделать так, чтобы было красочно и интересно, а не серо и скучно. Я хотела создавать праздник также, как было в стриптиз-клубах, но я не очень хорошо себе представляла, как можно создать праздник в дневное время суток и без алкоголя. Настолько я уже привыкла к ночному режиму жизни и состоянию алкогольного опьянения.

Я задумалась: кому в голову может прийти навещать в дневное время жриц любви? Оказалось, что днём поток мог быть ещё больше, чем вечером и ночью. Я стала работать круглосуточно, двадцать четыре на семь, без выходных и перерывов.

Первые две недели я работала с девушками на одной квар-

тире. Нас было трое. Квартира однокомнатная. Когда у одной из нас был гость, две другие, как мышки, сидели на кухне. Если клиента не устраивала девушка, к которой он приехал, то выходили её напарницы и он либо выбирал одну из нас, либо разворачивался и уезжал. Дальше так продолжаться не могло, нас было слишком много на один квадратный метр.

На третьей неделе фирма сняла отдельную двухкомнатную квартиру для меня и Кристины. Но на новом месте мы проработали недолго.

Прорвало

Наслаждаясь идиллией, витающей в пространстве, я была счастлива. Я имела возможность смотреть в окно на осеннее пасмурное и хмурое, но такое правдивое и настоящее русское утро, без насильно навьюченных прикрас и мишуры, созерцала, как мирно спят на незаправленной постели одни из прекраснейших в мире созданий природы, вдыхала ароматный чай с яблоком и корицей, испытывая блаженство и живя здесь и сейчас.

Теперь нас было трое. Новоиспечённый член нашей маленькой семьи нашёл меня у помойки почти так же, как когда-то её старшая сестричка. Контейнеры нашей встречи находились около дома, в котором начальство снимало квартиру для работы. Я тогда вышла прогуляться до магазина и заодно выкинуть отбросы, а котёнок беззвучно лежал, едва дыша, у кучи, куда был свален различного рода строительный мусор. Когда я взяла за пазуху, чтобы согреть, полуживое, уже успевшее пережить столько страданий маленькое существо, я забыла про работу и напрямик поехала в ветлечебницу. Малышке повезло. Через пару месяцев от прошлого не осталось и следа. Она преобразилась, стала красивой, ухоженной и грациозной девушкой на выданье. Плодить животных в мои планы не входило, я осознавала, сколько несчастных сидит по приютам в ожидании семьи, сколько выбро-

шено на произвол судьбы. Я планировала её стерилизовать, найдя разумный выход из замкнутого круга страданий бездомных животных. Хотя бы здесь я могла внести свою лепту в прекращение страданий.

Было ещё немного времени, прежде чем начать собираться на работу. Я сидела в кресле, допивая остывающий чай, и размышляла о боге и дьяволе, космосе и Вселенной, Марсе и Венере, когда как гром среди ясного неба неожиданно зазвонил телефон.

Произошло чрезвычайное происшествие, которое заставило меня в спешке собраться и бежать. Кристина, моя одноквартирная коллега, позвонила в дикой истерике, выливая тонны мата, вопя о лопнувшей батарее и катастрофическом затоплении соседей.

Вслед за Кристиной раздался звонок от Вики, нашего диспетчера.

– К тебе едет гость.

– Виктория, это потрясающая новость! Но как же батарея? Что делать с затоплением? – скороговоркой спросила я, находясь в лёгком шоке от всего происходящего.

– Хрен с батареей! Хватай мужика и езжай на другую квартиру! – на повышенных тонах ответила она, – Мне уже тоже Кристина звонила! Невротична, блин, орёт и орёт, успокоиться не может, весь телефон оборвала! Мне гости звонят, а она мне мешает!

Не так страшен чёрт, как его малюют! То, что предстало

моим глазам по прибытии, было поправимо. Я начала убирать последствия износа радиатора, пока гость был где-то в пути, и первым делом перекрыла источник нескончаемого потока горячей воды. До моего приезда Кристина и пальцем не пошевелила, чтобы хоть что-нибудь предпринять, а после продолжила беготню по квартире, вереща, ругаясь и проклиная всё вокруг, ведя себя ровно также, как и полчаса назад по телефону. Слезно-буйный припадок был вызван тем унижительным для неё фактом, что придётся ползать на четвереньках с половой тряпкой в руках.

Она мешала мне своими визгами и бесполезностью, и моё терпение лопнуло, как батарея.

– Ты что, труп мёртвой шлюхи под матрасом нашла?! Что ты кричишь?! От твоей истерики никакого толку! Хватит! Бери в руки тряпку и собирай воду!

Через пятнадцать минут после моего прихода приехал гость. Я встретила его в образе женщины-крестьянки: кобылу на скаку остановила, в затопленную избу вошла. Держа в одной руке половую тряпку, а в другой ведро, я сквозь смущение и смех объясняла расклад.

– Я смотрю, у вас тут весело.

– Да нет, у нас обычно всё однообразно. Это просто ты везунчик.

Он никуда не спешил и предложил свою помощь. Его неожиданное предложение звучало мило, заботливо и по-мужски. Двое женщин и один мужчина с вёдрами, тряпками

и тазами пытались спасти ситуацию, имущество и соседей снизу. Я и гость не унывали, с задором и юмором выполняя несложные механические движения, Кристина, как в воду опущенная, повторяла за нами. Мы старались не топтать, не шлёпать и громко не смеяться, но в процессе разошлись так, что нас уже сложно было остановить.

Мы уже заканчивали убирать следы цунами, как вдруг позвонил сутенёр и нервно отрапортовал, что нам срочно нужно хватать ноги в руки и Рексом тякать из квартиры. До соседей дотекли следы катаклизма, они связались с собственниками, собственники с риэлтором, риэлтор с сутенёром, а сутенёр с работницами – моментальная цепная реакция.

Было ощущение, что мы улепётываем, как хулиганы, которые баллончиком уделали фасад администрации. Осознание этого ещё больше нас развеселило. Такие эмоции не купишь ни за какие деньги! И, хотя Кристина так и не вписалась в созданную атмосферу и не включилась в креатив, её кислая физиономия никоим образом не повлияла на наше настроение.

Раздался стук в дверь, а это означало, что мы не успели улизнуть незамеченными.

Мне было стыдно врать соседям и на ходу придумывать басню, но ещё более постыдным было признаться, чем мы здесь промышляли и что не в моей власти урегулировать последствия. Я сказала то, что первое пришло мне в голову и выглядело максимально правдоподобно и логично, чтобы

спасти всё собрание от публичности, полиции и статьи. Он стоял рядом и пристально наблюдал, как я разруливаю ситуацию, а я была не я. Я не успевала за своими словами и действиями, делая всё на каком-то заранее запрограммированном автопилоте, который включился в нужное время в нужном месте. Он был серьёзен при разговоре с пострадавшими, но лишь до того момента, как ушли соседи и я закрыла дверь. Он развлекался вовсю. Когда ещё попадёшь в такой квест – с проститутками, соседями, плавающими коврами и ошибкой жилищно-коммунального хозяйства? Мы спешно обулись, накинули куртки, натянули шапки, выбежали на улицу и прыгнули в такси.

Сначала мы доставили по адресу Кристину. Её первичная агония сменилась полнейшим ступором. С головой у неё было явно не всё в порядке, ей требовалось лечение. Я не знала точно, проституция была этому виной или нет, но наличие у неё зашкаливающей эмоциональной распушенности было видно за версту.

Казалось, я и он вымотались и натрахаились вдоволь, но, несмотря на жизненные перипетии, мы поехали на один из свободных адресов. Всё лучшее было впереди.

Любопытство не порок

После технической аварии я снова оказалась выброшена на улицу, и бродяжничество по квартирам, в которых работали другие девушки, продолжилось.

При работе вдвоём в однокомнатной квартире в отсутствие дверей в кухню без казусов не обошлось. Когда перед носом – закрытая дверь, приличный человек не позволит себе её открыть и войти без приглашения, но, когда двери нет, все начинают расхаживать как у себя дома. Двери были сдерживающим фактором, но в Аллиной рабочей квартире мы были его лишены. Дизайном жилища была предусмотрена арка под потолок, вместо разделения пространства было объединение.

Гость приехал к ней. Можно было с непоколебимым видом сесть за кухонный стол и сделать вид, что так и должно быть, но, желая сохранить интимность их момента, я спряталась за холодильником. Мне так хотелось спать, что стоять целый час не было сил. Холодильник располагался таким образом, что я, оставаясь незамеченной, свернулась калачиком на полу, накрывшись с головой простыней, которая была всегда со мной, так как я имела привычку ходить по квартире завёрнутой в простыню и периодически цитировать Цицерона, развлекаясь подобным образом и не давая заплесневеть своим мозгам. Заснуть до конца не удалось: на полу бы-

ло очень холодно, а в квартире – очень громко. Я находилась в полусне.

Когда Алла ушла в душ, мужчине позвонили, и он, разговаривая по телефону, деловито начал расхаживать сначала по комнате, а потом плавно переместился в кухню.

Сначала я расстроилась, ведь все мои старания были зря. Мне было стыдно перед самой собой и передними, что я нахожусь там, где нахожусь. Мне не нравилось, что приходится прятаться, слушая надрывные искусственные Аллины стоны в сопровождении естественных звуков полового акта.

По сменившейся интонации голоса было слышно его удивление от внезапно обнаруженной находки.

– Я перезвоню чуть позже.

Он тихо ответил абоненту на другом конце провода и закончил разговор. Долго не мешкая, он подошёл ко мне. Чувствуя его дыхание и руки, тянущиеся к простыне, я что было мочи притворялась спящей, еле-еле сдерживая улыбку. Мне очень хотелось резко открыть глаза и напугать его, но, зная, что мужская потенция – дело тонкое, я не стала подставлять Аллу и невероятным усилием воли сдержалась, не напугав любопытный нос.

Подобным поступком я могла испортить оплаченное время и подложила бы тем самым свинью им обоим. Даже если бы мужчина оказался стойким, были возможны несколько вариантов дальнейшего развития событий, ни один из которых не устраивал меня. Я не хотела общения, секса и де-

нег. Я хотела спать. И уж тем более я не хотела оказаться замеченной, но, уж коли так вышло, нужно было доигрывать роль спящей красавицы до конца.

Он приоткрыл завесу тайны и молча смотрел на меня в течение приблизительно тридцати секунд. Добродушно усмехнувшись и бережно накрыв меня простыней обратно, он вернулся в комнату, по возвращении Аллы не задавая ненужных вопросов.

Время истекло, и он ушёл. Я скорее побежала в комнату, прыгнула в кровать, зарывшись в тёплое одеяло, взятое по пути из шкафа в прихожей. Когда я погружалась в царство Морфея, где-то на стыке пространств на меня сквозь дремоту накатил безудержный смех. Алла приводила себя в порядок, сидя за трюмо, и через зеркало искоса поглядывала в мою сторону, искренне не понимая причины внезапно возникшего у меня веселья. Просмеявшись вдоволь, я поняла, что нужно объяснить, чтобы она не навывдумывала лишнего.

Она смотрела на меня пустыми бесцветными глазами. Её глаза потускнели уже давно, жизнь потеряла для неё всякие краски. Она напоминала оболочку женщины, выполняющую заурядные функции физического продления жизни. Внутри всё было разрушено и вынесено, как дом, в котором побывали вандалы. Некогда красивый и ухоженный цветущий сад её доброго сердца теперь находился в запустении. Она разменяла свою душу по мелочам – на цацки, платья, сапожки,

наращённые волосы и ногти, – но даже они потеряли для неё былую привлекательность и перестали доставлять ей хоть какое-то удовольствие. Она давно перестала кичиться брендами, марками, ювелирными украшениями, косметикой и прочими слабостями – этот период уже прошёл сквозь неё. Бросающееся в глаза отсутствие скорости в её жизни не было внутренним спокойствием или мнимой уверенностью в завтрашнем дне, всё это было действием длительного приёма антидепрессантов, которыми она злоупотребляла. След её преждевременной старости читался в манере речи: она разговаривала слишком медленно и примитивно. Она умела вести беседы о погоде и делать минет.

Остатки былой роскоши в виде тела помогали ей держаться на плаву в этом бизнесе. Смотря на неё, я удивлялась физическим возможностям человека: не будучи живым, но при этом не являясь мёртвым, работать на холостых оборотах.

Её образ и модель существования навевали на меня тоску и уныние. Я начала ощущать, что вязну в болоте вместе с ней. Её вгоняла в ступор моя экспрессивность, а порой даже раздражала, если она вовремя не выпивала таблетку. Она боялась и не хотела оставаться одна, но при этом глушила раздражение ко мне и окружающим медикаментозно.

Рабочую квартиру целиком оплачивали руководители притона. Алла не была полноправной хозяйкой помещения. Ввиду этого у Аллы сменилось несколько десятков напарниц за один год. Даже с учётом её пристрастия к глушителям

стресса я не понимала, как ей хватает терпения на абсолютно разношёрстный калейдоскоп девушек. Мало того, что с улицы идёт нескончаемый поток мужчин, но ещё и внутри происходит винегрет. Спустя время я увидела, что организованный в квартире проходной двор вносил в её пустую жизнь хоть какое-то разнообразие. Она одновременно испытывала противоречивые чувства: бешенство и успокоение.

Мы находились на разных полюсах. Настало время перемен.

Решив заняться поиском квартиры для встреч наедине, я знала, что если всё сложится, то впредь мне не придётся прятаться, соприкасаться с сексом других людей, делить рабочие часы. Это понимание значительно облегчило мне задачу по поиску своего места.

Нелюбовная любовь

За короткий срок я нашла квартиру для работы в пятнадцати минутах ходьбы от моего дома. Теперь не нужно было ехать через весь город туда, где работала Алла, не нужно было скитаться по другим адресам. Можно было прогуляться пешком на работу и с работы – это было очень удобно. Казённый дом был оборудован камерами видеонаблюдения и охраной, находящейся на первом этаже; он был не только с хорошим месторасположением, но и максимально безопасным. Я была рада, наконец-то за долгое время выдохнув и обретя спокойствие. С руководством мы условились оплачивать квартиру пятьдесят на пятьдесят, ровно так же, как делились заработанные деньги. Был лишь один значительный риск при заключении договора аренды на длительный срок на моё имя: арендодатель мог узнать о моей реальной сфере деятельности, что по большому счёту было не так уж и страшно в сравнении с тем и теми, с чем и кем порой сталкивалась работа на панели.

Облагородив квартиру таким образом, чтобы гости не чувствовали себя как на экзамене, но и не задерживались, ложно ощущая себя как дома, спустя сутки я вернулась в струю.

Проработав около месяца и оценив преимущества своего нового положения, я была крайне раздосадована, когда мне

сообщили, что, поскольку квартира оплачивается не исключительно мной, ко мне направляют подселенца. Но я решила, что, может быть, не стоит раньше времени расстраиваться и всё не так уж и плохо, хотя осадок был. Любовь – таким именем нарекли родители мою новую квартирантку. Я пару раз пересекалась с ней. Единственным чувством, которое она во мне вызывала по отношению к себе, была жалость. Она была самой маленькой весовой категории и самого низенького роста из всего нашего коллектива. В её лице, движениях и словах сквозило тёмное подзаборно-уголовное детство, в глазах читался гремучий микс из хитрости, беспринципности и потерянности, но всё это она тщательно старалась скрыть. Люба совсем недавно пришла работать в фирму. Я ничего не знала о её прошлом и ничего не хотела знать. Мне было достаточно того, что я видела. Несмотря на то что меня в своё время никто не просил светить паспортными данными, главное, что я сделала первым делом, – это сфотографировала все страницы Любиного паспорта, заранее предупредив о своём намерении и начальство, и её. Никто не был против моей просьбы. В квартире к тому моменту находилось очень много моих вещей, одежды, украшений, подарков, электронных девайсов: всё это непременно должно было остаться в целостности и сохранности.

Я понимала, что она неряшливая и невнимательная, но, набравшись терпения, шаг за шагом пыталась аккуратно объяснить ей правила поведения не только в стенах кварти-

ры, но и в сфере интим-услуг. Мне не нужны были проблемы с гостями, собственником квартиры и полицией.

Первую неделю мы проработали относительно спокойно, но неравномерно. Преобладание моих часов над её заработком в конце недели вылилось вёдрами Любиных слёз. Мы поговорили с диспетчером по поводу сложившейся ситуации и обсудили изменения рабочего плана, чтобы никто не остался в накладе. Казалось, пыль утряслась, а ураган обошёл стороной. Всё было решено и обговорено. Я понимала, что ей нужны были деньги. У меня к тому моменту финансовая ситуация более или менее стабилизировалась, поэтому я не стала настаивать на превалировании моих рабочих часов, а, наоборот, попросила диспетчера систематизировать работу, что бы у нас обеих выходила приблизительно равная сумма.

На второй неделе ситуация изменила направление.

Случаи разгильдяйства участились. Люба регулярно оставляла использованные презервативы на кровати, забывала менять простыню после себя или класть полотенца в стирку. Я вовремя успевала убирать следы её оплошности, раз за разом повторяя ей одно и то же. Поначалу я ей верила, сваливая её привычки на отсутствие воспитания. Она хлопала ресницами и извинялась, после чего ситуация повторялась вновь. Мои замечания не имели никакого эффекта. Я начала подозревать, что что-то тут неладно. Её поведение смахивало на целенаправленную пакость.

Кульминацией отношений послужила ситуация, при кото-

рой я, по счастливой случайности, увидела на стуле, предназначенном для мужской одежды, бывшую в употреблении жевательную резинку.

Какой бы бедной и несчастной ни была Люба, как бы она ловко ни разыгрывала передо мной жертву обстоятельств, факт говорил не просто о её безалаберности, а о конкретном действии, направленном против меня. Ввиду своей болезненной и предвзятой жалости я долго сносила все её выпадения, но мою жалость перекрыла ответственность за сохранность вещей гостей. Жвачка могла испортить одежду, а вместе с ней – рабочий график, планы, важное совещание и ещё много, много чего серьёзного. Это было слишком. Я поняла, что с меня хватит. Я шла ей на уступки в ущерб своих денег, но от этого лучше никому не становилось, поэтому я посчитала всё происходящее бессмыслицей.

Я попросила съехать её в кратчайшие сроки, то есть в этот же день. Оперативно связавшись с руководством, я рассказала им о деталях прошлого и настоящего, добавив напоследок, что впредь буду оплачивать квартиру полностью и работать единолично, а исключением могут быть только чрезвычайные случаи, когда нужна моя помощь и нет крыши над головой, но работать в моей квартире никто, кроме меня, больше не будет. Мне было важно, чтобы они понимали, почему я вдруг как с цепи сорвалась и решила резко и бескомпромиссно выставить человека за дверь.

Эта ситуация также поспособствовала и переосмыслению

действий. Я пришла к выводу о том, что работать одной в квартире было разумнее и с тактической точки зрения, потому что полиция накрывала скопления девушек, а не обособленно трудящихся фей.

Но, на что рассчитывала Люба, совершая подобное, мне трудно понять. Договор аренды был заключён со мной, гости, львиная доля коих были постоянными, знали, что я им подставы не учиню, и знали также, что ко мне присоседили не самую опрятную мадемуазель. С её приходом квартира стала выглядеть и звучать иначе. Рассорить меня с сутенёрами была изначально патовая идея, они ценили меня за мою работоспособность, разумность, смекалку и красоту. Я знала это и не пыталась этим воспользоваться, не надевала на себя корону и не выходила за рамки своих должностных полномочий. И это сутенёры тоже всё прекрасно видели. Чего тогда она добивалась?

У меня была лишь одна аргументация подобному поведению – глупая бабская зависть. Оттого и подставы были недалёкие и никак не срабатывающие. Не ей было со мной тягаться.

Я прозорлива, чистоплотна, аккуратна и тактична. Что может сделать уродливая глупая бабская зависть против красоты? Лишь рассыпаться у её ног, любезно предоставив ей возможность идти дальше.

Порядочность

Он приехал ко мне с бутылкой белого полусладкого вина – высокий брюнет в деловом костюме с глубоким, пронизательным взглядом. С первых минут мы нашли общий язык. Я даже не помню, что преобладало в нашей встрече, секс или общение. Хотелось и того, и другого, и всего сразу, и нам обоим! Мы не могли друг от друга оторваться. Мы бесились, как дети, смеялись и шутили. Два часа пролетели как один миг.

Наше совместное время близилось к концу, но внезапно выяснилось, что задерживают его авиарейс. Мы были рады. Это был один из тех немногочисленных моментов, когда двое несказанно счастливы запозданию вылета самолёта.

Но неумолимо пришла пора прощаться. Мы обнимали друг друга так крепко, как могли, и целовались так, как будто в следующую минуту умрём. Нам нужно было остановиться, и мы нашли в себе силы сделать это. Я закрыла за ним дверь.

Спустя десять минут после его ухода меня как будто окатило ледяной водой из ведра.

– Деньги!

Я поняла, что мы оба забыли о финансовом вопросе. Мы не обменялись личными номерами телефонов, и я судорожно начала звонить оператору. Первое, что пришло мне в голову, – это выдумать историю о том, что он забыл наручные

часы. Оператора не стоило посвящать в настоящие мотивы моего звонка, она бы начала предъявлять претензии и мне, и мужчине, оставив после себя вонючий след из недовольства, мата и сварливости, тем самым обгадив наши отношения; её не стоило в них пускать, она должна была остаться связистом, это всё, что от неё требовалось.

– Скажи ему, что он оставил у меня часы, или дай ему мой прямой номер! – взволнованно говорила я.

– Да, хорошо, сейчас дам.

Он мне тут же перезвонил.

– Да, прости! Я сам, я сам вспомнил! Как же мы так оба забыли? – смеялся он в трубку. – Я развернул такси, сейчас вернусь.

Я вышла на улицу, чтобы он не тратил драгоценное время, и мы снова вцепились друг в друга, страстно целуясь среди бела дня на глазах у прохожих, детей и собак.

– Я бы хотел остаться с тобой, но не могу, прости, – сказал он.

– Я всё понимаю, не извиняйся, здесь не за что просить прощения.

Он сел в такси и уехал.

Порядочность в арифметической прогрессии

Встречи с мужчинами проходили круглосуточно. Это было похоже на непрерывный конвейер. Появились деньги, но потерялось время. Режим дня и ночи смешались воедино, я не помнила дней недели и чисел месяца. Сначала образовался хронический недосып, а потом я стала засыпать при первой представившейся возможности, стараясь выспаться урывками. Мне это удавалось. Я быстро научилась вскакивать по звонку и приводить себя в состояние боевой готовности за считанные минуты. Никто бы не поверил, что ещё пять минут назад я крепко спала и смотрела пушистые сны своей многоликой мечты.

Внешне ничего меня не выдавало. Внутренне при каждой разбудившей меня близости приходилось справляться с тем неврозом, который испытывало моё тело, не успевшее отойти ото сна. Я чувствовала себя оголённым нервом, заряд моей психики током расходился по всему телу, казалось, я вот-вот взорвусь истерикой или начну колотить ни о чём не подозревающего мужчину. Это было насилие, в котором я существовала.

Я никогда не отказывалась от работы, в каком бы психологическом или физическом состоянии я ни была.

У всего происходящего был побочный эффект. Если

встреча происходила у меня и время близилось к трём-четырёх часам ночи, я могла уснуть на груди последнего клиента после выполненных договорённостей. Подобное возникало не на регулярной основе, но довольно часто для того, чтобы оценить порядочность моих гостей. Мужчины уходили по-английски, не потревожив мой сон, тихонько закрывая дверь с той стороны и всегда оставляя финансовый вопрос на прикроватной тумбе.

За всё время моих резких и непреднамеренных, но объяснимых отключений в квартире, сумочке и кошельке всё было в целости и сохранности.

Деньги всегда вперёд

Он пришёл ко мне второй раз.

Мы договорились на продолжительное время, но через час после начала отсчёта он сообщил мне, что у него не оказалось с собой наличных денег и ему нужно сбегать до банкомата. При выходе он заботливо спросил, не надо ли мне купить чего-нибудь в магазине, но я сказала, чтобы он скорее возвращался, поскольку время тикает. Его отношение ко мне не говорило о том, что он может подло поступить со мной, поэтому я решила не идти с ним, а дожждаться его дома.

Прошло двадцать минут. Он не возвращался. Я начала переживать, сидя в ожидании. Прошло сорок минут, потом прошёл час, и я уже не сомневалась, что он просто развернулся и уехал. Всё это время я названивала ему на мобильный телефон, но он был недоступен. Мне захотелось заплакать, но вместо слёз я предпочла спиртное.

Я пошла на кухню и достала из шкафа заначку – бутылку вина. Распивая прямо из горла, я моментально опьянела, ощущая, что где-то глубоко во мне таится обида, которую подавляет замутнённое алкоголем состояние и нежелание верить в случившееся. На смену обиде пришло самобичевание. Я понимала, что сама виновата. Это был урок жизни, который ещё раз показал: «Бери деньги вперёд! И стесняться здесь абсолютно нечего!» Мне казалось, что я, на-

ученная опытом, не могла так ошибиться и что вся эта ситуация произошла не со мной. В голове осиным гнездом жужжал рой однообразных вопросов.

«Что я сделала не так? Почему люди пользуются доверием других? Какое удовольствие в том, чтобы вести себя, как скотина? Зачем гадить в душу другому человеку?»

Было желание прореветься, но я была абсолютно спокойна. Мне хотелось отыскать вора, но мне было жалко на это времени. Как ни парадоксально, но клубок разрывающих меня противоречий привёл моё внутреннее состояние в баланс в тот момент, когда я устала от собственных рассуждений.

Через полчаса после обретённого покоя мне позвонил оператор и назвал адрес и телефон. Мне казалось, что это гнусный обманщик дал своему приятелю наводку на меня. У меня началась паранойя, но, тем не менее, я собралась и поехала. Мои опасения были напрасны. Новый знакомый оказался абсолютной противоположностью подлости.

– Лана, открою тебе одну простую истину: достойный мужчина, который действительно понимает, с кем он встречается и на каких условиях, в подобной ситуации аккуратно положит деньги на видное место сразу, не создавая лишней возни и не акцентируя на этом внимание.

Мальчишник, но не в Вегасе

Адрес, телефон, время прибытия.

Когда я переступила порог нужной квартиры, то была слегка озадачена, так как замаскировавшийся претендент оказался не один. В квартире было ещё пятнадцать мужчин, праздновавших мальчишник, но почему-то не удосужившихся об этом предупредить по телефону. Разведка территории показала: беспокоится не о чем, по крайней мере, до наступления темноты и чрезмерной алкогольной кондиции мужского пола. На место я приехала около трёх часов дня, времени заработать и уйти живой было достаточно.

Мне обрисовали ситуацию и дали техзадание: собрать вечеринку, иными словами, скрестить всех со всеми и оторваться по полной.

Засучив рукава, я начала визуальное знакомство с потенциальными кандидатами. За моей спиной стояло, подбирая слюни, голодное и жадное до женской плоти мужичьё. Казалось, как будто они тысячу лет сидели в заточении, не имея возможности даже на онанизм, а когда их выпустили на свет, то они первым делом побежали бухать и трахаться.

Показывая фотографии моих коллег со своего телефона, я параллельно разговаривала с оператором по чужому телефону, объясняя, кто люб, а кто не люб. Я думала, что буду напоминать себе сваху или заместителя сутенёра, но в тот

момент я чувствовала себя капитаном. Я рулила кораблём, и если знала, что на судно лучше кого-то не пускать, то ловко обходила мимо сомнительную женскую персону. Опыт скитания по рабочим квартирам помог познакомиться с каждой девушкой фирмы и узнать её характер, мотивы и личную историю. Это же правило касалось и мужчин. Если что-то меня смущало или наводило на сомнения, я брала это себе на заметку, чтобы при встрече пояснить девушкам, что стоит делать, а о чём лучше помолчать.

Квартира была двухуровневая, с множеством комнат, спален, санузлов и коридоров. Это был настоящий лабиринт.

Я предупредила всех присутствующих, что к ним уже направляется общество милых дам, а сама с партнёром удалилась на второй этаж в самую дальнюю комнату. Я не любила таборов и больших пьяных сборищ, но что-то подсказывало, что мне нужно остаться здесь.

Когда мы вдвоём спустились вниз, девушки прибыли в полном составе. Веселье начиналось.

– Лана, а тут точно безопасно? Девчонки напрягаются.

– Пока да, но какие я тебе могу дать гарантии? Ты же сама прекрасно видишь, что это за мероприятие. Повернёт ли у них головы и в какой момент, я тебе точно сказать не могу. В ожидании вас я находилась с ними одна, как видишь, ни пылинки с меня не упало, но если что-то пойдёт не так, мы вместе пришли, мы вместе и уходим. Никто никого не бросает. Передай это всем, пожалуйста, что бы девочки понима-

ли, что мы в одних санях.

Был тёплый октябрь, и вся наша большая компания значительную часть времени провела на просторном балконе в тостах, анекдотах и раскатистом многоголосом хохоте. Кто-то уходил, кто-то приходил. В течение нескольких часов происходил круговорот людей в квартире, постелях, ваннах и туалетах, пока с приходом сумерек не включили караоке в главном зале, а я отчётливо не услышала, что настал момент истины, когда мужики пережрали. Одни сохраняли нейтралитет, другие продолжали веселиться, делая вид, что ничего не происходит, но четвёрка подстрекателей уже начала проявляться.

Ультиматумы и угрозы вызвать полицию ужратое стадо могло воспринять как тьякканье Моськи на слона. Было бесполезно взывать к их разуму, они уже зашли в стадию невменяемости.

Не переводя косые стрелки на меня, понимая, что в их пережратости нет моей вины, девчонки не предъявляли ко мне претензий. Они испугались и, считая себя жертвами жизненных обстоятельств, ситуаций и отношения общества, были готовы смиренно принять ожидаемое зло. Я увидела в женских глазах страх, потерянность и безысходность.

В своё время я очень жалела, что не написала заявление о групповом изнасиловании. Я понимала, что, если подобное повторится вновь, я стесняться не буду. Представляя всё то, что могут сделать с девушками, понимая масштабность

последствий и ущерб для женской психики и женского здоровья, я не собиралась бросать девчонок на растерзание. У меня был подобный опыт, и я не хотела, чтобы кто-нибудь ещё его испытал. Психика человека не трусы, не закинешь в машинку, чтобы отстирать от пятен.

– Девочки, смотрите, сейчас четверо из вас начинают вести себя грубо, по-хамски, но только не перегибайте палку, не переигрывайте, а то весь план полетит к чертям. Начинаете катить бочку на меня. Обзывайте за внешность, за характер – несите блажь, одним словом. Я скажу вам: «Девочки, вы перепили? Что за поведение?» – и предложу отправить вас домой. Начинаете агитировать ещё троих своих псевдоподружек за то, чтобы уехать с вами. Лина, Лера и Вера, вы играете роли бесхребетных овечек, не имеющих своего мнения. Итого семь уезжают. Вы якобы уходите, но на самом деле вызываете сразу три машины такси, что бы все девчонки влезли, и ждёте нас на улице. Машины вызовите к противоположному подъезду, чтобы вас и такси не было видно. Я, Жанна и Женя остаёмся здесь втроём. Девочки, только, главное, подыграйте мне, чтобы они не увидели подвоха. Если мы сделаем всё максимально реалистично, мы все уедем домой целые и невредимые, – сказала я всё это полушёпотом на балконе, когда мы быстро скучковались девичьим составом под предлогом совместного табакокурения.

Я предложила разделиться, иного выхода не было. Если не смогут уйти все, то уйдёт хотя бы часть. Из двух зол вы-

бирают меньшее.

Только я закончила излагать свой план, как тут же прилетел один из провокаторов.

– Что это вы тут шепчетесь?

– Мы курим.

– Мы докурили. Не говори за всех, вечно строишь из себя лидера!

– Оля, ты чего?

Когда с балкона мы вынесли свой диалог в общий зал, первая часть плана сработала.

Четверо, играющих в неадекватность, и трое, играющих роль прихвостней девиц, ушли по инициативе гуляющих.

– Найди мне песню из «Бременских музыкантов» «Мы к вам заехали на час». Сейчас я им устрою Ибицу.

– Может быть, лучше что-нибудь другое? Как ты собираешься танцевать под детскую песню?

– Женя, найди мне то, что я прошу. Я танцовщица, как раз пригодится мой навык, музыка не имеет значения, сейчас мне нужны мультики. Сила, которую они хотят уничтожить, ослепит их.

– А если я не найду?

– Сомневаюсь, что на этой приставке чего-нибудь нет, но если не найдёшь, то тогда и поговорим. Главное, сами глазами не хлопайте, а незаметно идите в холл и бегите на улицу в такси.

– А ты? Как же ты?

– Мне уже не страшно. Я не позволю им насиловать вас. Скажите тем двоим, что положили на вас глаз, что пойдёте покурить, а сами – на выход. И основной свет приглушите без предупреждения, достаточно будет ламп над барной стойкой.

– Лана, но, если ты не успеешь добежать до дверей, они тебя схватят. Что тогда?

– Тогда вызывайте на этот адрес полицию. Я сделаю так, что они запомнят этот мальчишник на всю жизнь.

– Леся уже вызвала такси. Все три машины стоят у входа. Имея природную гибкость и спортивную подготовку, я одним движением запрыгнула на стол, как только Женя с Жанной включили музыку и выключили свет.

Сорвав с себя платье и бросив его неизвестно куда, я старалась не смотреть в сторону девчонок, чтобы не привлекать к ним внимание.

Шестнадцать разинутых ртов смотрели на танец моего тела, не сводя с него глаз. В это время девчонки, как мышки, пробирались к спасительному выходу, замешкавшись в последнюю минуту.

– Жанна, что ты делаешь?

– Я не могу натянуть сапог...

– Пока ты будешь натягивать сапог, натянут нас всех! Шуруй так! – возмущённо прошипела Женя, выхватившая из рук Жанны обувь.

Изрядно подвыпившая Жанна, не способная попасть в

обувь, надела её в подъезде не без помощи Жени.

С приближением окончания песни я спрыгнула со стола и, не прекращая танца, задним ходом начала плавно перемещаться в сторону основного коридора и входной двери. Зрители решили, что это часть постановки. Резко рванув к двери и толкнув её от себя, я выскочила в подъезд и побежала прочь.

Сидевшие на диване, близко стоявшем к выходу, сделали вид, что не успели задержать меня. Они не пытались привести в чувство обезумевших приятелей, но и не помешали мне оказаться по ту сторону необратимости.

При всей своей внешней силе, но внутренней слабости духа не нашлось ни одного мужчины, способного остановить насилие.

Толпа пьяных, перекрытых мужиков выскочила вслед за мной из подъезда, едва я, в одном нижнем белье и босиком, успела сделать пару шагов, пробегая по осенним лужам к такси.

Угрозы, оскорбления и жутчайшие непристойности, ударяющие мне в спину мужским многоголосьем, спровоцировали Олю, не вовремя включившую режим бойца, вступить с ними в неравный бой. Это было лишним. Она выскочила из машины и начала орать гадости им в ответ настолько сильно и пронзительно, насколько это может делать голос женщины, приводящей себя в состояние изменённого сознания.

– Оля, сядь в машину! Быстро! – громко закричала я на

неё и на весь двор, добегая до машины с открытой дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.